

ПРАВЫ И ОБЫЧАИ УКРАИНСКИХЪ ЧУМАКОВЪ.

(Очерки четырехъ временъ года въ Малороссіи).

(Изъ путевыхъ замѣтокъ 1856 года).

I.

Зима *.

Степныя метели.—Былыя судьбы чумачества.—Чумаки сто лѣтъ назадъ.—Разсказъ очевидца, Запорожца Коржа.—Анекдоты о чумакахъ.—Переселеніи въ 1836 году.—«А вѣдь мы же шли?»—Общій видъ зимы.—Календарь степей.—Святки.—Зимовая воловь.—Статистическія данныя.—Зимняя лѣнь.

Иногда въ степи начинается что-то странное. Въ воздухѣ не то, чтобы очень холодно и втрено. Однѣ галки густыми тучами носятся надъ землею и разыгрываются на метель. Метель начнется, и долго помнятъ о ней въ степи. Но на югъ знаютъ не сколько родовъ метелей, украшая ихъ затѣйливыми названіями. Одна «иря» — когда въ воздухѣ стоитъ просто непроглядный туманъ, а снѣгъ медленно опускается влажными хлопьями въ потемкахъ и также усердно дѣлаетъ свое дѣло, то-есть за ночь заметаетъ всѣ дороги и села. Другая «шквиря» или «завійньця» — когда по полямъ безъ устали откуда-то летитъ втеръ и несетъ не то дождь, не то туманъ, не то снѣгъ, что-то все вмѣстѣ. Третья «завирюха» — вдругъ поднимется сухая, рвзкая, кружа цѣлыя горы оледенѣлаго инея, точно избитое въ мелкія

* Чумакъ — татарское слово, «чумакъ» перевозчикъ, номадъ. Занимаясь изстаря перевозкою товаровъ по Малороссіи и образуя какъ-бы наследственное сословіе, чумаки съ незапамятныхъ временъ составляютъ живое, торговое звѣно между Южной Россіей, по руслуамъ рѣкъ Днѣпра и Дона, и прибрежьями Чарнаго и Азовскаго морей. Желѣзныя дороги на югъ, если не совершенно уничтожатъ, то значительно измѣнятъ ихъ промыселъ, а вмѣстѣ съ нимъ и нравы и обычаи ихъ, сохраняющіе пока еще много своеобразнаго. Вмѣстѣ съ другими явленіями украинской жизни, чумаки доживаютъ послѣдніе свои дни.

блестки стекло. Ей иногда предшествуетъ четвертая еще, называемая «фуга» или «пѣша» пѣшая, которая начинается какими-то странными взлетами птицъ, и состоитъ въ томъ, что по безпредельной корѣ гололедицы, укывшей стѣнь, несутся полосами сухіе, стекольчатые вороха снѣгу. Въ такую метель, называемую еще низовую, потому-что снѣгъ играетъ по-низу, по землѣ, небо обыкновенно стоитъ ясно, безоблачное, все залитое алымъ или синеватымъ отблескомъ. И наконецъ «верховая» или «валовая» метель. Эта уже не шутитъ и особенно даетъ себя знать. Медленно, иногда въ нѣсколько дней, соберутся громады, свѣрныя тучи и облягутъ небо, точно осадный лагерь какого-нибудь войска. Тучи заблѣютъ, сдвинутся плотнѣе; снѣгъ хлынетъ и всякій свѣтъ исчезнетъ. Тогда ни днемъ, ни ночью нѣтъ уже спасенія. Въ сельскихъ церквахъ тогда безостановочно нарочные сторожевые звонятъ въ колоколь. Гдѣ есть ружья, или домашнія пушки, тамъ стрѣляютъ время отъ времени холостыми зарядами. Этимъ даютъ знать о близости жилья путникамъ. Тогда послѣднимъ обыкновенно, почти въ виду жилья, приходится прибѣгнуть къ извѣстному средству спасенія: остановиться на произволь судьбы и быть засыпану снѣгомъ съ головой, при чемъ для дыханія въ снѣжномъ сводѣ пробивается окно, а чтобы проѣзжіе могли найти засыпанныхъ, сквозь верхній слой выставляется наружу какой-нибудь шестъ. По этому шесту часто находятъ и спасаютъ тѣхъ, которые не имѣютъ силы разрыть завалившаго ихъ сугроба. Быстрота степныхъ метелей непостижима. Однажды, зимой, въ бурю, въ помѣщицкѣй усадьбѣ готовились ужинать. Дворъ усадьбы, какъ во многихъ безлѣсныхъ южныхъ имѣніяхъ, былъ не огороженъ. Одинокое на равнинѣ стояли домъ, кухня, амбаръ, погреба. Лакей принялъ отъ повара въ руки суповую чашу и пошелъ изъ кухни къ дому. Одно изъ оконъ дома свѣтилось. На дворъ метель становилась шумнѣе и шумнѣе. Хозяйева сѣли за столъ, ждутъ лакея; его нѣтъ. Стали искать, кликать, послали верховыхъ. Послѣдніе сами на-силу воротились. На другой день лакея нашли во ста шагахъ подъ усадьбой, съ суповою чашею въ рукахъ. Онъ сбился съ дороги между кухней и домомъ, блуждалъ, пока могъ, свѣлъ подъ стогъ и замерзъ.—Извѣстенъ также анекдотъ о мужикѣ, который ночью въ метель наткнулся въ полѣ на увязнувшую карету губернатора и, подѣхавши къ ней съ возомъ, слѣзъ и постучался въ освѣщенное окно кареты, окликая: «Добрый вечеръ; а что, хозяинъ дома? Нельзя ли пе-

решочевать?» — Когда такія метели проходятъ, взорами открываются странныя картины: исчезнувшія дороги, съ маковками чуть видныхъ изъ-подъ сугробовъ поверстныхъ столбовъ, и деревни, засыпанныя буквально отъ заваленки до трубъ. Взойдетъ солнце, и начинается любопытная работа. Украинецъ, о которомъ говорится, что «его лънь родилась прежде его самого» — выползаетъ кое-какъ изъ хаты, съ лопатой, и принимается за рытьё норъ и тропинокъ отъ порога къ сажу, гдѣ откармливается кабанъ, къ амбару, откуда жена достаетъ всякіе припасы, и калитку въ огородъ, потому-что черезъ него идетъ дорога въ шинокъ, — оставляя не рѣдко не открытыми ворота, хотя бы отъ этого нельзя было выѣхать со двора на улицу. Такіе кротовыя ходы остаются на долго, пока новая «завируха» или оттепель не измѣняютъ ихъ вида. Лънивые «домовики» тогда безъ просыпу лежатъ на печи, благо въ хатъ тепло, и подати, оплаченныя еще осенью, позволяютъ выгодно покуривать тютюнъ, выросшій на грядкахъ у сосѣда же. Приди въ такую пору къ хуторянину гость, всѣ ему рады. Только не безпокой хозяина.

Въ такую-то пору лънивѣйшіе изъ лънивыхъ, именно чумаки, уже ровно ничего не дѣлаютъ. Хлѣбошашецъ еще хлѣбъ молотить, ремесленникъ ремесломъ занимается. А чумакъ что? — Основаннос на дешевизнѣ подножнаго корма, занятіе его зимою еще потому не можетъ имѣть мѣста, что воловъ почти нигдѣ не куютъ, а безъ подковъ на гололедицѣ раздвоенныя копыта послѣднихъ легко разрываются. И такъ, что же дѣлаютъ чумаки зимой, въ ожиданіи весны и начала своихъ пустынныхъ переездовъ? — Они отдають своихъ воловъ на зимовлю по деревнямъ, гдѣ много сѣна, и на винокуренные заводы, гдѣ воловъ откармливають такъ-называемою «бардою», остатками теплой хлѣбной жижи. Чумаку съ весны пужны волы сильные, въ тѣль, и потому они ничего для нихъ не жалють и откармливають ихъ до отвалу.

Но прежде, нежели мы опишемъ жизнь чумака зимой и для этого коснемся нѣсколькихъ чертъ, въ которыхъ онъ, среди домашняго очага, сближается въ общемъ съ другимъ мѣстнымъ сословіямъ края, объяснимъ читателю, что такое чумакъ и какъ составилась его самобытная личность?

Слово чумакъ прежде объясняли именемъ *чумы*, которую будто бы чумаки завозили изъ Крыма, почему и чумную де-

тярную рубаху они носятъ. Назначеніе рубахи мы увидимъ ниже. Пима же чумаковъ по-татарски значить просто персвозчикъ. Чумаки теперь покрываютъ всю Малороссію. Но они были и въ старину. Объ этомъ, кромѣ общеизвѣстныхъ народныхъ пѣсенъ, изъ которыхъ отрывки мы приведемъ въ своемъ мѣстѣ, свидѣтельствуютъ и письменные источники. Въ числѣ печатныхъ свѣдѣній, къ которымъ мы должны здѣсь, для полноты очерка, прибѣгнуть, г. Скальковскій въ «Исторіи Новой Сѣчи или Последняго Коша Запорожскаго», при описаніи старинныхъ дорогъ и торговли на Украинѣ и Запорожьѣ, между прочимъ, приводитъ много любопытныхъ данныхъ о былыхъ судьбахъ чумачества.

«Въ тѣ отдаленныя эпохи, говорить г. Скальковскій, пользовавшійся богатствами южно-русскихъ архивовъ, кромѣ вооруженныхъ запорожскихъ отрядовъ, укрытаго въ тернахъ ружья гайдамаковъ, безчисленныхъ стадъ и табуновъ, и кое-гдѣ бѣлющеюся хаты зимовника, ничего не встрѣчалъ путешественникъ. Дорогъ не было, кромѣ «отвѣчныхъ шляховъ» (путей), по которымъ шли караваны за солью въ Крымъ, за рыбою на Донъ и въ Запорожьѣ, съ хлѣбомъ и товарами къ Очакову. Эту дорогу именовали въ Польшѣ «Чернымъ Шляхомъ», по причинѣ опасностей, сопровождавшихъ путешественниковъ, а въ простонародь «Шпаковымъ», по имени перваго атамана-путеводителя. Шпакъ, умѣвшій водить чумацкіе караваны по прекраснымъ долинамъ и близъ воды, не заходя въ села и не подвергая чумаковъ опасности въ пустыняхъ. Она, начинаясь отъ Волини, доходитъ до Умани, а оттуда, по тайнымъ тропинкамъ, по глубокимъ оврагамъ и по берегу степныхъ рѣчекъ, доходила сперва до Балты, послѣ до Ольвіополя, а наконецъ до Никитиной переправы на Днѣпръ. Другой торговый путь въ степяхъ назывался «Муравскою дорогою». Пробравшись по вершинамъ Ворсклы до вершинъ рѣчки Берестоватой, впадающей въ Самару, идетъ онъ къ югу, черезъ всю почти запорожскія «палавки» до границы, или рѣки Конскія-Воды, и тутъ уже переходитъ на крымскую сторону. Степь запорожская не походила на степь погайскую или уральскую.»

И въ-самомъ-дѣлѣ, если какой-нибудь путеводитель Шпакъ, этотъ Патфайндеръ украинской пустыни, пріобрѣталъ славу за знаніе тропинокъ и бродовъ, водопоевъ и перевозовъ, съ другой стороны и само Запорожьѣ было населено христіанами, ува-

жавшими путника. Здѣсь чумаки находили пристанище у бѣлой хаты «зимовника», обыкновенно стоявшей на берегу глубокой рѣчки, въ уединенномъ оврагѣ или у вырытаго колодезя. Хозяинъ зимовника, запорожскій казакъ, обыкновенно былъ и шинкаремъ, трактирщикомъ; слѣдовательно безопасность ватагъ чумацкихъ была для него не только долгомъ, но и источникомъ прибыли. Онъ зналъ, что слава добраго зимовника распространяется скоро не только въ Украйнѣ, но и за-границею. — Но, перешагнувъ за Днѣпръ, у Никитина-перевоза, чумаки мазали свою рубашку и одежду дегтемъ, изъ предосторожности чумы и гадюшны; заряжали ружье, доставали съ воза пику, а на груди вѣшали въ мѣшочкѣ «печатный билетъ» съ «казенною печатью», подписью русскаго пограничнаго чиновника, и съ переводомъ ярлыка на турецкій языкъ. Въ ногайской степи нѣтъ уже ни селъ, ни зимовниковъ. Отъ запорожской границы до Перекопской-башни не будетъ уже ничего, кромѣ табуновъ и стадъ татарскихъ. Хорошо еще, если въ какомъ-нибудь аулѣ жилъ мѣстный ага или мурза, русскій ярлыкъ охранялъ чумака. Но въ голой степи Ногайцы не боялись никого, и зарѣзали двухъ, трехъ чумаковъ, отнять у нихъ скотъ и хлѣбъ, считалось молодецтвомъ. А сколько обмановъ на соляныхъ озерахъ, сколько обидъ при Перскопской-Башнѣ отъ всякаго рода турецкаго чиновнаго люда, отъ всякихъ «дыздарей», «имамовъ» и «каймакановъ»...

Въ «Краткомъ описаніи Малой Россіи», рукопись котораго принадлежитъ въ Одессѣ г. Филипповичу, о странникахъ старой украинской степи говорится слѣдующее: «Вздючи же на тѣхъ пустоширокихъ степяхъ, гдѣ не имѣлось ни единой тропинки, ни слѣду, какъ на морѣ, однако помянутыя ватаги, добре знаючи проходы, зъ великимъ опасеніемъ въздили. Не имѣя же себѣ чрезъ одинъ и другой мѣсяць огня, единожды въ сутки весьма скудной пищи, толокна и сухарей толченыхъ кушали и, коньямъ ржати не допуская, будто дикіе звѣри, по тернамъ и камышамъ крмысь. Познавали же на тѣхъ степяхъ путь свой, въ день, по солнцу, и кряжахъ, и по могиламъ; ночь же по звѣздахъ, и вътрахъ, и рѣчкахъ.» — Торговля запорожская дѣлилась на сухопутную и водяную. Водяная была съ Турцією, черезъ Очаковъ, на турецкихъ и греческихъ корабляхъ. Изъ Очакова корабли, получая ярлыки отъ сераскира-паши, входили въ Днѣпръ до самой Сѣчи, на рѣкъ Подпольной, гдѣ Текели, въ 1775 году, при

разгромъ Сѣчи, нашелъ цѣлую запорожскую флотилію. Сухопутная шла по степямъ, черезъ чумаковъ. Пейсонель, бывший консуломъ французскимъ при ханѣ крымскомъ и котораго запорожець Строць и другіе видѣли въ 1760 году, съ ханомъ, въ лагерь близъ Днѣпра, такъ писалъ объ этой торговлѣ въ 1788 г.: «Казакі украинскіе и запорожцы приходятъ въ Очаковъ, привозя баранье сало, табакъ, снасти, пеньку, русскія полотна, дрова, точильные камни, уголь, сушеную рыбу и рыбій клей; и увозятъ отсюда: греческія и аккерманскія вина, соль, сушеные плоды, масло растительное, мыло, сафьянъ и сѣдла.» — Изъ переписки запорожскихъ старшинъ, приводимой въ отрывкахъ г. Скальковскимъ, видно, что изъ Крыма и Турціи запорожцы вывозили еще оружіе, свинець, конскія сбруи, и другіе предметы, какъ-то: «для гетмана соку лимоннаго и оливы, прованскаго масла» — «для гетмана двухъ ослицъ, съ жеребятами» — «рыбы чстыре короба». Одинъ изъ старшинъ, получавшихъ подарки при раздачѣ жалованья на Запорожьѣ, какъ говорится въ современномъ донесеніи: «Чѣмъ будучи доволенъ, велѣлъ поднести до нѣскольکو чарокъ водки и между прочимъ, спрашивая, какія бываютъ въ Сѣчи съ Туречины въ привозъ вина, говорилъ: Не возможно-ль съ тамошнихъ приморскихъ мѣстъ и изъ Цареграда вывозъ сдѣлать подъ осень зовемой по-гречески стридіа, а по здѣшнему «устрицы». О чемъ егда отъ толмача объявлено, а намъ на усмотрѣніе даль верхній «маслакъ» скорлупу. — Эти-то первыя потребности, кромѣ притекавшихъ товаровъ изъ Россіи, мѣховъ, сырыхъ кожъ и хлѣба, были вѣроятно причиною образованія цѣлаго сословія перевозчиковъ, получившихъ, на границѣ, отъ турокъ имя чумаковъ. Это тѣмъ болѣе было сподручно казакамъ-поселенцамъ, на своихъ зимовникахъ, среди семей, становившихся все менѣе и менѣе воинственными, что, по словамъ кошеваго Григорія Осдорова, въ челобитной отъ войска Императрицы Елисаветы, 1755 года: «войско запорожское низовое изъ давнихъ лѣтъ и цынъ хлѣба не пашеть, да въ степныхъ мѣстахъ и весьма малый родъ, урожай, бываетъ.» Изъ Крыма везли еще сырые смушки, для гетмана «бѣлыхъ верблюдовъ», шелковыя ткани, особенно термоламу, которой казаки, идучи, на войну, обѣщались привезти своей красавицѣ столько «чтобъ сверху колокольни достать до земли». Но главнѣе всего, въ этомъ случаѣ, была крымская соль, до-нынѣ первая цѣль всей торговли, производимой чумаками.

Теперь чумацкіе возы рѣдко идутъ порожнякомъ въ Крымъ за солью. Тогда же, при недостаткѣ внутренней торговли съ Россіей, они, кромѣ водки и хлѣба, мало везли товаровъ въ Крымъ по пути. На Днѣпръ былъ ихъ главный переѣздъ на крымскую сторону. Прибытіе ихъ для Запорожья было такъ важно, что Кошъ очень часто считалъ долгомъ писать къ своимъ представителямъ въ русскія столицы: «Что ватагъ чумацкихъ еще нѣтъ; но что уже по немногу идутъ и везутъ хлѣбъ или водку,» или что наконецъ ихъ «такое множество, что даже припасы въ Съчи и на Никитиномъ перевозѣ вздорожали.» Какъ только время добычи соли наступало, ханскіе пристава надъ соляными озерами, учтиво о томъ взвѣщали Кошъ, что, напримѣръ, какъ писано отъ 1764 года, Баба-Иманомъ, приставомъ «тузлы» переконской: «Благодареніе Богу, сего году, уже выстояніе съдѣлавъ, соль произошла изобильно; да притомъ же воды и травы у насъ въ Крыму, также и на пути вездѣ, изобильно; такъ, что очень спокойно нынѣ для чумаковъ и для скота достанетъ.» Крымское правительство при этомъ брало со всякой повозки у Переконской-башни, по 70 коп. ассигн., что запорожцамъ казалось обременительно и они объ уменьшеніи платы за соль вели безпрестанную переписку съ консулами при ханѣ. Чумацкія ватаги, шедшія за солью въ Крымъ, тогда переправлялись черезъ Днѣпръ на Никитиномъ-перевозѣ. Идущія же на Донъ за рыбою переправлялись въ Кодакъ. Видя прибыль отъ этой чумацкой торговли, Запорожцы старались даже учреждать собственные мосты и перевозки черезъ рѣчки и протоки въ Ногайской сторонѣ. На этихъ переправахъ бралась плата за перевозъ. Ханы также жаловали своихъ каймакановъ и дыздарей, комендантовъ «за многія службы и послышки отъ его ласки» правами устроить мостъ на той или другой рѣчкѣ. Послѣдніе иногда перепродавали эти права на мостъ и сборъ запорожцамъ, какъ на рѣкѣ Бѣлозеркѣ, за 40 р. ассигн. И запорожцы вѣзали перевозныя пошлины со своихъ и чужихъ, на земляхъ Ногайцевъ и Крымцевъ. Но рядомъ съ этою безпечностію, послѣдніе позволяли себѣ дѣлать и всякія грабительства, захватывали чумаковъ съ ихъ добромъ въ плѣнъ и продавали туркамъ, какъ «ясырь» невольниковъ, на работы въ галеры и крѣпости. Наконецъ чумаки способствовали еще тогдашней торговлѣ Украйны и Запорожья съ Польшею, чему также приводятъ г. Скальковскій нѣсколько любопытныхъ доказательствъ.

Такимъ-то образомъ, образовавшись еще въ смутныя для стра-

ны времена, чумацество мало-по-малу приняло видъ нынѣшнихъ мирныхъ странниковъ. Тогда ватаги ихъ, эти «верблюды украинской пустыни» требовали смѣлости и отваги. Перешагнувъ рубежъ своихъ степей, на крымской сторонѣ они дѣлались истинными «героями степи», жертвами засухи, голода, жажды, разбойниковъ своихъ и чужихъ, и притѣсненій мѣстныхъ мурзъ и каймакановъ. Для этого чумаки тогда запасались ружьемъ и кошемъ, а въ случаѣ набѣга Ногайцевъ ставили свои вozy такъ, что дѣлали изъ нихъ укрепленную засаду. Словомъ, они смѣло встрѣчали врага. Теперь племя ихъ переродилось. Крымцы и Ногайцы усмирены. Въ стѣнахъ прорыты вездѣ колодези и всюду уже кипитъ народонаселеніе. Но память о первобытныхъ чумакахъ не исчезаетъ. Кромѣ того, что теперь еще есть семьи въ разныхъ мѣстностяхъ края, гдѣ дѣды, отцы, сыновья и нынѣшніе внуки и правнуки «чумакують» и передаютъ преданія о дѣдахъ изъ рода въ родъ; эту память поддерживаютъ еще и народныя пѣсни. Лѣтописецъ Новороссійскаго края говоритъ справедливо, что: «На 100 украинскихъ думъ вѣрно будетъ 80 о чумакахъ, 10 о любви, а остальные о гайдамакахъ.»

Личность нынѣшняго чумака, въ общемъ, сходна съ личностью остальныхъ украинскихъ простолюдиновъ. Но, кромѣ этого, чумакъ еще хранить въ себѣ черты, какъ бы завѣщанныя ему отдѣльно особенностями стариннаго казачества. Обрисовку этого переходнаго образованія казака въ мирнаго чумака, превосходно представляетъ г. Костомаровъ въ своемъ сочиненіи «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи». — «Отраженіемъ угасшаго рыцарства, говоритъ онъ, является въ Малороссіи чумакъ. Казака вызвала къ дѣятельности потребность народная; и чумака произвели: положеніе Малороссіи, общественныя нужды и народный духъ. Малоруссы окончили свое воинственное призваніе; настали времена другія. Сабля замѣнилась косою, пушка плугомъ. Но Малороссія, съ такими широкими, привольными степями, могла ли вмѣщать въ себѣ людей, которые бы мирно обрабатывали скромный уголокъ и не разлучались бы далѣе ближняго ручья? Могъ ли малороссійскій народъ, разыгравши такую шумно-трагическую роль, забыть ее вдругъ? Природа любитъ постепенность. Отъ этого, прежде, чѣмъ казакъ обратился въ «поселянина», онъ сталъ «чумакомъ» и «бурлакомъ». Чумакъ по занятіямъ мужикъ, по духу казакъ. Собственно, въ чѣмъ состоятъ занятія чумацкія: въ перевозкѣ фуръ соли, вина, рыбы,

хлѣба. Кажется, самое всендшное назначеніе! Но такъ ли смотритъ на него Малороссіянинъ? Чумаки находятъ какую-то славу въ своихъ путешествіяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, что «пошли наши сыночки денегъ добывать» народная пѣсня говоритъ: «и славы заживать». Въ наше время, пѣсни казацкой гетманщины передѣлываются въ чумацкія. Такъ Морозенка въ Слободской-Украинѣ величаютъ, вмѣсто «казаченька» — «чумачепькомъ». Есть пѣсни, гдѣ сначала говорится о коняхъ и татарахъ, а кончится «волами» и «мазницами». Интересъ ли, собственно, движетъ его? Нѣтъ, съ интересомъ соединяется что-то другое: безотчетное какое-то влеченіе къ путешествіямъ, приключеніямъ, товарищеской жизни и самопроизвольное отрѣшеніе семейственныхъ связей. Тоже, что отгнѣяло характеръ казака. Извозъ чумацкій во многомъ и до-нынѣ, похожъ на воинственный походъ ихъ предковъ.»

Здѣсь еще разъ долженъ я коснуться печатныхъ источниковъ, чтобы противупоставить благодушіе стариннаго украинскаго простолюдина не менѣе своеобразному благодушію нынѣшняго. Въ «Устномъ Повѣствованіи очевидца, бывшаго запорожца Николая Леонтьевича Коржа», приводится слѣдующій разсказъ о способѣ, какимъ на Запорожѣ рѣшали тяжбы дѣла. Передаемъ его вкратцѣ, подлинными словами разсказчика. Когда случалось, что два казака поспорятъ или подерутся на «зимовникахъ» или скотомъ потравятъ хлѣбъ или сѣно, то оба они, купивши на базарѣ по калачу, идутъ «позываться» судиться въ «паланку» около-докъ, къ которому принадлежатъ, и, положивши калачъ на столъ, становятся возлѣ порога и кланяются судьямъ. Судьи начинаютъ спрашивать: «Какое ваше дѣло?» Обиженный разсказываетъ первый. Судьи спрашиваютъ обидчика. Обидчикъ сознается, что дѣйствительно ему «шкоду сдѣлалъ» и въ хлѣбъ и въ сѣно, но не можетъ его удовлетворить, потому-что тотъ «лишнее требуетъ.» Паланка тогда посылаетъ освидѣтельствовать убыль обиженнаго и опять спрашиваетъ обидчика: «Что же, братчику, согласенъ ты заплатить?» Обидчикъ опять отвѣчаетъ, что онъ и «радъ бы, да тотъ лишнее требуетъ.» Тогда паланка обоихъ ихъ отсылаетъ въ Сѣчь. Тутъ новая исторія. Тяжущіеся избираютъ курень обиженнаго. Вошедши въ курень, они кланяются атаману: «здоровъ, батьку!» — «Здравствуйте, садитесь!» — «Ну, въ чемъ ваше дѣло?» — Ему передается тяжба. Зовутъ атамана куреня, изъ котораго обидчикъ. Оба атамана уговариваютъ ихъ помириться,

чтобъ даромъ «не мордували» начальства. Ничто не беретъ, и обидчикъ стоитъ на своемъ, говоря: «что же, когда онъ лишнее требуетъ.» Тогда атаманы говорятъ: пойдёмъ всѣ четверо къ судью. Казаки покупаютъ опять калачи и идутъ къ судью. Тутъ таже притча; оба стоятъ на своемъ. Тотъ говоритъ: «онъ меня обидѣлъ»,—а тотъ «онъ лишнее беретъ.» Видя, что ничто уже не поможетъ, тяжущіеся и атаманы идутъ въ курень Кошеваго. Калачи также кладутся и также рассказывается вся исторія. «Ну,» спрашиваетъ Кошевой обидчика: «такъ ты не согласишься обиженаго продовольствовать?» «Ни! ясневельможный панс, отвѣчаетъ обидчикъ: не согласенъ!»—Кошевой выходитъ изъ куреня и кричитъ своимъ челядинцамъ: «Сторожа, кievъ!» Слуги бѣгутъ и несутъ палки. Тогда вельможный говоритъ: «ну, ложись, братчику! вотъ мы тебя проучимъ, какъ правду дѣлать!» Казакъ ложится, а Кошевой говоритъ: «Сторожа, на рукахъ и на ногахъ садитесь; бейте его добре кіями, чтобъ зналъ, почему ковшъ лиха!»—Когда кін «начнутъ между собою разговаривать» по ту и по другую сторону, виновный казакъ *«все молчитъ и слушаетъ, что скажутъ.»* И когда его уже хорошо попотчуютъ и Кошевой при этомъ скажетъ «все, что нужно,» его отпускаютъ, спрашивая: «Можетъ тебѣ еще прибавить?» На что, разумеется, тотъ уходитъ безъ оглядки и впередъ уже въ судъ не «позывается».

Вошло въ пословицу, что ни о комъ въ свѣтъ нѣтъ столько анекдотовъ, какъ объ Англичанахъ и Малороссахъ. Большая часть рассказовъ о послѣднихъ относится непременно къ чумакамъ. Стоить сойтись кучкѣ русскихъ съ украинцемъ, рѣчь о лукавствѣ и лжи чумаковъ заходитъ при первой шуткѣ. Есть даже спеціалисты въ этомъ родѣ. Большая часть этихъ анекдотовъ, безъ сомнѣнія, ловкія выдумки ради краснаго словца. Но, надо сознаться, эти выдумки основаны прямо на природныхъ свойствахъ своихъ героевъ. Известенъ анекдотъ о чумака, съ котораго соннаго сняли сапоги. Въ Москву чумаки въ прежнее время, за недостаткомъ хорошихъ сообщеній, на своихъ волахъ, часто возили шерсть, соль и хлѣбъ. Тамъ въ особенности ходитъ много о нихъ рассказовъ. Известенъ анекдотъ о чумака, котораго часовой въ Кремль хотѣлъ оштрафовать за считаніе галокъ на Иванъ Великомъ. Одному чумаку товарищъ на ярмаркѣ жаловался, что у него украдены деньги, которыя онъ было спряталъ на возу. — «Э, бо ты дурень!» отвѣтилъ смутно:

варищъ: «ты бѣ такъ сдѣлалъ, какъ я!» показывая, что онъ деньги спряталъ за пазуху; но, ненашедши ихъ тамъ, началъ искать за голенищами, потомъ въ шараварахъ — приговаривая: *«ты бѣ такъ сдѣлалъ, какъ я!»* Оказалось, что и у него украли деньги.

Бѣхали два чумака на одномъ возу и вели отвлеченный разговоръ о землѣ, небѣ, свѣтопреставленіи и о домовыхъ. «А сколько, друже, скажи ты мнѣ, будетъ верстъ до неба?» Тотъ вынулъ изо рта трубку, посмотрѣлъ вверхъ, сплюнулъ и отвѣтилъ: «Верстъ, можетъ быть, семь будетъ!» — Собесѣдникъ тоже посмотрѣлъ. «Э! дурень, дурень! Гдѣ же тамъ семь верстъ, когда ни одного «шинка» не видно?!»

А попробуйте чумака допросить о чемъ-нибудь. Онъ отвѣчаетъ вашими же вопросами. «Ты пьянъ, бестія?» спрашиваетъ его, послѣ какой-нибудь схватки у корчмы, Становой. «Отъ чегожъ я пьянъ?» — «Да это видно; вонъ и на ногахъ не стоишь!» — «Гдѣ жъ я не стою?» — «Да какъ же; вонъ отъ тебя и водкой несетъ!» — «Какъ несетъ, какою водкой?» — «Ну, да, вонъ и другіе говорятъ, что ты пилъ!» — «А пусть тому и глаза вылезутъ, кто видѣлъ, когда я пилъ!»

Въ Крюковомъ Посадѣ, предместьи Кременчуга, куда гужомъ привозится изъ Крыма соль и гдѣ ежедневно лѣтомъ толпятся нѣсколько тысячъ и десятковъ тысячъ, чумаковъ, споры и ссоры, между послѣдними, бываютъ безпрестанно. Но какъ ихъ судить? Какое терпѣніе не лопнетъ, при способѣ ихъ отвѣчать и отвѣчиваться?

Одинъ чиновникъ земской полиціи разсказалъ мнѣ слѣдующій случай. Пришли два чумака судиться изъ-за «кожуха» (тулуца). Далъ въ томъ, что они шли изъ Перскопа съ фурами и одинъ другому далъ, во время жары, на сохраненіе тулупъ, а тотъ взялъ его, да и пропилъ въ первомъ же кабацѣ, пока пріятель его тоже лежалъ безъ ногъ. Надо, значить, доказать, что одинъ у другаго взялъ тулупъ и не отдалъ.

— А вѣдь мы же шли? спрашивалъ истецъ.

— Шли.

— Мнѣ же стало душно?

— Стало.

— Я же тебѣ его отдалъ?

— Отдалъ.

— И ты же его взялъ?

— Взялъ.

- Гдѣ же онъ?...
- Что?
- Тулушъ.
- Какой?
- Что я тебѣ далъ.
- Когда?!

Минута молчанія. Истецъ начинатьъ снова:

- А вѣдь мы же шли?
- Шли.
- Мнѣ же стало душно?
- Стало.
- Я же тебѣ его отдалъ?
- Отдалъ.
- И ты же его взял?
- Взялъ.
- Гдѣ же онъ?...
- Что?
- Тулушъ.
- Какой?
- Да что я тебѣ далъ.
- Когда?!

И дѣло опять начиналось снова словами: «А вѣдь мы же шли?» Чиновникъ кончилъ тѣмъ, что позвалъ «дневальныхъ» и обоихъ тяжущихся прогналъ въ толчки.

Но я бы не кончилъ, если бы продолжалъ приводить анекдоты о чумакахъ.

Зимой чумаки предаются усненной лъни и рѣдкой неподвижности, условленной полнымъ довольствомъ жизни и сознаниемъ, что еще осенью, получивъ чистый барышъ по своему промыслу, они окупил на долго свои нужды. Изрѣдка только чумаки встанетъ съ печи, отправляясь взглянуть на небо и на кормъ своихъ ненаглядныхъ воловъ. Зимой чумаки сливаются съ общимъ настроениемъ быта всей Малороссіи, и только привычному глазу замѣтны ихъ личности, по несказанной, привольной лъни, тяжелой на подъемъ и чуждой всякимъ тревоженіямъ. Впрочемъ, видоизмѣненія времени года невольно разнообразятъ и эту жизнь. Чумаки все-таки членъ общей семьи, потому-что собственно не составляетъ отдѣльной касты, а принадлежитъ къ другимъ сословіямъ края: къ государственнымъ и помещичьимъ крестьянамъ, военнымъ поселянамъ и колонистамъ. Среди сель онъ за-

мѣтенъ только изрѣдка, по своей зажиточности и устраненіи отъ общихъ дѣлъ. Видъ его выясняется въ полѣ, въ степи, при первомъ дуповеніи весны и подножномъ кормѣ для скота. Премстственность ремесла по обычаю, отъ дѣда къ отцу и отъ отца къ сыну, также кладеть на него свой отъенокъ.

Первый снѣгъ приковываетъ чумака на мѣстѣ. Съ той поры одна его мысль «выгодувать» (выхолпть) воловъ къ веснѣ. И онъ кормитъ ихъ самъ, или отдаетъ на винокуренные заводы, на «барду». Пристроилсь волю, ему все уже остальное трынъ-трава. «Покою мой, покою, любо мнѣ съ тобою!» повторяетъ онъ и, съ стойкостью истиннаго сына степи, смотритъ съ утра до вечера съ печи, какъ жена хлопочетъ по хозяйству. — «Ты печку затопила?» спрашиваетъ онъ, ощущая пріятную теплоту нагрѣтой печи. «Затопила!» — «А по-воду пойдешь?» — «Пойду.» — «А на дворѣ холодно?» — «Холодно!» — «Ну, пусть же холодно!» замѣчаетъ онъ и плотнѣе прижимается въ уголь.

А между тѣмъ, дни идутъ за днями. Тепло было такъ уже давно, что и не вспомнишь. Августъ-Серпень смѣнился Сентябремъ, который «на пѣгихъ волахъ вздѣтъ» по полю и у всѣхъ, даже «у воробья заводитъ брагу» довольство; Октябрь-Гризникъ ведетъ за собою Ноябрь-Листопадъ. А вотъ пришелъ и Декабрь-Студень. Бабы смотрятъ: если будутъ теплыя святки, будутъ молочныя коровы; а свѣтлыя святки, нѣсскія куры. Разумѣется, есть и исключенія; не всѣ чумаки сидятъ зимою безъ дѣла. Новѣйшія барышническія наклонности обуреваютъ кое-кого и изъ ихъ брата. Есть такіе, что держутъ по тридцати паръ воловъ, для чумачества, да ими же въ промежуткахъ и землю обрабатываютъ, и наемщиковъ для этого держутъ для всѣхъ работъ по хуторянскому хозяйству. У такихъ обороты большіе и всякая деньга идетъ въ строку. Что дѣлаютъ люди, то и они. Зпма ѣ у нихъ не пропадетъ даромъ.

Чуть птичка, именуемая «сусидкою», чиликая прилетѣла на дворъ и накликала первый снѣгъ, за рѣвостаномъ пришли Егорій съ гвоздемъ и Никола съ мостомъ, окна на-глухо законопатились и пруды замерзли. Бабы, благо въ поляхъ всѣ работы уже покончились, тотчасъ принимаются по зимнему готовить хаты. Образница, освѣщенная чтимою иконою Межигорской Богоматери, украшается воткнутыми пучками засушенныхъ цвѣтовъ желтой гвоздики, васильковъ и безсмертника. Иконы все работы Борисовскихъ маляровъ. Страстная свѣча припасена на

случай пожара и грозы. Тутъ же въ мышечкѣ, для скоропостижныхъ или «скорописныхъ» болѣзней, привѣшивается ладанъ и артосъ, а для умирающихъ то полотенце, которымъ священникъ отиралъ съ престола пыль. Надъ дверью, въ стѣнной впадинкѣ, ставится «крещенская вода» для окропленія перепуганныхъ дѣтей и видящихъ дурные сны. Все бываетъ на хуторѣ, все пригодится. Надтреснутый обломокъ зеркала въмазывается за-ново близъ голубаго висячаго поставца съ посудой: хоть хозяйка сама и не молода, да къ ней заходятъ молодницы, она для нихъ и держитъ. Въ иной хатѣ хозяйну за восемьдесятъ лѣтъ, а хозяйкѣ подъ шестьдесятъ, и оба бездѣтныс. Тутъ также кипитъ работа. Хозяинъ, лѣтъ тридцать ходившій чумакомъ, уже только сидитъ дома, да вздвѣвъ на носъ рогулькой оловянные очки, коли грамотный, читаетъ духовныя книжки и молится. А хозяйка, какъ сновала и тарантила, бранясь, въ двадцать лѣтъ, снуетъ и тарантитъ по хатѣ и теперь. «Ахъ ты, горе мнѣ съ тобою, восклицаетъ она, ворочая лоханки и перебирая въ печи: Боже-жъ ты мой, Боже! То ходилъ онъ, шлялся съ фурами по свѣту, то теперь, какъ чурбанъ какой сидитъ!» А смиренный хозяинъ, чистоплотный и дома всегда въ бѣлой рубашкѣ, не обидѣвшій жены ни одною побранкой съ той поры, какъ женился, пока не сталъ весь бѣлый, какъ лунь, только почешетъ грудь, да изрѣдка скажетъ: «Охъ, жинко, ты бы лучше «наймичку» (работницу) взяла! Смотри, ты уже стара, и чуть ходишь; вѣдь тебѣ уже за поль-вѣка почнтай есть!»— «Э! нечего мотать; управимся и безъ нея!» И дѣйствительно старуха управляется.

Чуть свѣтъ, бабы уже встаютъ, или какъ говорятъ въ степи «рúшатся» Иногда еще на дворѣ темно и солнце не скоро выглянетъ «съ того свѣта», а они уже вскочили, постель свернули въ комокъ, подпоясались и идутъ изъ теплой хаты либо за водой, либо за топливомъ. Смотришь, на воздухъ чуть только стало «благословиться на свѣтъ», а уже дымъ изъ трубъ поднимается. Хозяйка старается особенно угодить мужу объдомъ, и потому знаетъ для этого много средствъ. Любимыя блюда при этомъ хлѣбныя, съ масломъ и творогомъ: «вареники», «балабуха», «товчѣники», «лемйшка», «кулишъ», «пúтря» и «галушки», съ пирогами всякаго рода. Обѣдаютъ на хуторѣ часовъ въ девять или десять утра. Послѣ обѣда, хозяйка, перемывши посуду, достаетъ кудель или мотки прясти. Съ сумерками опять топится печь. Давши семьъ поужинать, хозяйка са-

дятся оиать прясть или ткать, если умѣеть и въ хатѣ стоитъ ткацкій стапъ. Тутъ безъ побранокъ хозяйка оиать не обходится. И будь хозяинъ самаго безукоризненнаго права, приноси съ чумацкаго похода всѣ деньги сполна, читай въ церкви апостола на клиросѣ, а дома молитвы по праздникамъ, кури усердно ладапомъ въ особой «поливняной» курильницѣ, по всѣмъ угламъ хаты, или, если умѣеть, въ часы «журбы» снимай со стѣны гусли и разыгрывай канты и стихирны, она все-таки найдетъ, чѣмъ его попрекнуть. Отмалчивается, со вздохомъ, хозяинъ, зная, что зима не долга, и съ весною покажетъ онъ бабѣ хвостъ, ящи только. Эта черта покорности мужа женѣ общая на Украинѣ. Случаются тамъ такіе молодцы, что подѣбрань хозяйки совсѣмъ обаятся и уже на домашнемъ хозяйствѣ ничѣмъ отъ нея не отличаются: мѣсить тѣсто, заправляетъ дрожжи, донтъ коровъ, шьетъ на сторону сорочки и ходитъ, какъ «знахарка», шептатъ надъ больными, и даже къ родильницамъ, въ качествѣ повивальной бабки. Даетъ себя знать такой «бабичъ» только на гулянкахъ, когда выпьетъ и пойдетъ, вспоминая юность, отплясывать въ «гопакъ» такія «выкрутасы и выхиласы», что зрители только смотрятъ — смотрятъ и, покачавши головами, разойдутся. Ужинаютъ на степи часовъ въ пять вечера. Кто особенно не занятъ дѣломъ, тутъ же и ложится спать, чтобъ не портить «свѣтла». Часовъ въ семь вечера на слободѣ уже не слышно человеческого голоса, и только кое-гдѣ въ окнѣ брезжится огонекъ.

Чумацкія слободы, то-есть такія, гдѣ поселяне преимущественно занимаются извозомъ, самыя богатыя. Эти «чумацкія мѣзда», какъ ихъ называютъ, извѣстны на югѣ на перечесть. Таковы Котельва, ахтырскаго уззда, и Боромля, въ тридцати верстахъ отъ города Сумъ. Таковы Красный-Куть, Ольшана, Лютењ, Барвинково, Чивильча и Фарбована, въ разныхъ мѣстахъ узздовъ Харьковской губерніи, Полтавской и Кіевской, и Приднзпровья. Тутъ на перечесть извѣстные богачи, чумацкіе: Андрей Сизѣнъ подѣ Ольшаной; Иванъ Злыко, Прокипъ Бездудникъ, Балацда и Дубовикъ Нвкифоръ въ Лютењ; Батовскій въ Красномъ-Кутѣ; Бедило и Цѣма-Патуня въ Мурафѣ; семья Забаштовъ и Воротный подѣ Изюмомъ; Вербицкій и Сосновый подѣ Прпшибомъ; и наконецъ Солощина Иванъ въ Свѣтодуховкѣ, Азовскаго приморья, Пахучій и Замазій въ Колонтаевѣ, и въ селѣ Мирномъ, близъ Валокъ, Копылецъ-Конова-

ленко. Это все тузы и капиталисты. Они ведутъ чумацкій промыслъ гуртомъ, оптомъ. У иного паръ тридцать, сорокъ и пятьдесятъ воловъ; а у другаго при этомъ въ наймъ еще десятигъ сто и двѣсти земли, снята на откупъ винокурня, лѣсъ, участокъ по винному откупу, человекъ тридцать рабочихъ и въ горшкѣ, гдѣ-нибудь, замазано подъ печью или закопано въ саду тысячь сто ассигнаціями чистогану. А вы на то не смотрите, что онъ ходитъ «чумичкою» — въ сермягъ и порванныхъ сапогахъ, снимая шапку всякому земскому и горожанину. За сапогомъ у него также для оборотовъ полная киса...

И чего, въ-самомъ-дѣль, не достаесть зажиточному чумаку?—Изба новая; хозяйка, глядишь, молодая, расторопная. Скота и птицъ, хлѣба и всякой рухляди вдоволь. А нѣтъ дѣтей, и то не бѣда. Есть на это всякія знахарки, которыя кромѣ того и все другое знаютъ и дѣлаютъ: сбрызгиваютъ сглаженныхъ недобрымъ глазомъ, выливаютъ «переполохъ» или испугъ, завариваютъ «соняшницы» отъ живота, лечатъ дѣтскую чахлость и старческую вялость, шепчутъ на зубы, сводятъ «куриную слѣпоту», сговариваютъ бельма, открываютъ злыя чары и даютъ «прогорѣвшимъ» и убогимъ на разживу «неразмѣнный рубль». Есть и такія, что утѣшаютъ тоскующее сердце, даютъ зелье на слѣдъ худаго человека, чары на вѣтеръ, по вѣтру отгадываютъ вора, заговариваютъ отъ случая въ дорогъ, отъ крови и зубной скорби, и ото всего избавляютъ — отъ вкоты, живота, отъ войны и мора, голода и семейныхъ распрѣй. Такія знахарки далеко извѣстны и, заведись хотя одна по сосѣдству патентованнаго доктора, къ нему не пойдутъ съ хуторовъ ни ногой. И пока хозяйки хлопочутъ и сусятъ, задаютъ кормъ овцамъ и птицѣ, прядутъ и шьютъ, стираютъ и полощатъ, мужъ старается ни на волосъ не измѣнить своего положенія на печи. Мѣсто его тамъ неприступно. «А ну, жинко, найди мою трубку!» говоритъ онъ только изрѣдка, и лѣнь ему даже сказать, гдѣ лежитъ трубка. «Ищи тамъ, гдѣ такъ какъ-будто... табакомъ воняетъ!»—И она ищетъ, раболопно выполняя волю мужа: на то она жена; а въ остальное время за то снова раздается ея брань, и она коститъ его на обѣ корки.

А дни летятъ...

Явился Январь-Съчень, за нимъ идетъ Февраль-Лютый, хотя уже и Бокогрѣй. Первый даетъ себя особенно знать. Но вотъ «трещи, не трещи, а минули водокрещи». На небѣ, въ ясную

морозную ночь, «яркія звѣзды»—будутъ «бѣлыя яркі» овцы. Семь метелей, по народному мнѣнію, непрерывно сопровождаютъ семь главныхъ морозовъ: михайловскіе, введенскіе, екатерининскіе, никольскіе, крещенскіе, сретенскіе и власьевскіе. Были теплые дни на Петра-полукорма и Тимоѣя-полузимника. На Тараса не спи долго, насинишь «кумаху-лихоманку», одну изъ двѣнадцати лихорадокъ, гдѣ есть и «Пятишца», и «Тетка», и просто «Она».

Случись оттепель, гурьбы ребятишскъ и дѣвочекъ высыпаютъ на улицу. Они за холодами тоже, какъ сурки, спятъ подъ печкой съ утра до вечера. Крики раздаются на улицѣ. Ребятишки сдѣлали изъ снѣгу головатаго великана и кидаютъ въ него комьями.

Взрослые къ Рождественскимъ святкамъ охорапшваются, и старъ и младъ. Важные хуторяне ходятъ съ подбритыми затылками и подстриженными усами. Дѣвки въ лентахъ и красныхъ сапогахъ, бряца на морозъ желѣзными подковами у каблуковъ, подпрыгиваютъ и пересмѣиваются. Святочныя пѣсни поются на Святой вечеръ. Прежде всего раздаются пѣсни о Пречистой Дѣвѣ. Потомъ молодежь переходитъ къ пѣснямъ любви: «Ой, рыбка жъ ты, рыбка, ты моя пара; святой вечеръ!»—«У нашего пана хорошая пани; святой вечеръ!» — «У пана Ивана дочка стояла; она убиралась, въ церковь снаряжалась. Въ церковь панночка взшла, какъ заря разсвѣла; тихо-тихо стала, да такъ и засіяла. Тутъ міряне были, у нея спросили: что ты, королевна, или царевна? Я не королевна и не царевна — отцова дочка, панна Марьяна». Это «колядки». Пѣсни «щедровки» или подновогоднія прославляютъ общую щедрость и гостепрѣимство: «Щедрый вечеръ, добрый вечеръ, добрымъ людямъ на весь вечеръ; пане господарю, съ праздникомъ поздравляю!» На «Меланки» или Васильевъ-вечеръ, ребятишки и дѣвочки собираются гурьбой и пдутъ съ мѣшками по морозу, подъ окнами, стучась въ подоконницы и двери и распивая: «Щедрикъ-всдрпкъ, дайте вареникъ, грудочку кашки, кольцо колбаски!» Хозяева хатъ поднимаютъ окна и, благодаря пѣвцовъ, кидаютъ «мѣхопошамъ» кто хлѣбъ, кто кусокъ пирога, кто колбасу или лепешку. А взрослые дѣвки, взявшись подъ руки, ходятъ толпою по улицамъ и поютъ: «Ивашко всталъ, лучкомъ забряцалъ; зоветъ братьевъ въ поле—тамъ кунница въ деревъ, а дѣвка въ теремъ.» Вдругъ сыплются на дѣвокъ изъ-за угла хаты или изъ-за су-

гроба снѣжки. Проказы парней угадываются, и дѣвки ихъ поддразниваютъ новою пѣснюю: «Похвали парни на ловы, до зеленой дубровы; тамъ поймали комара-звоняря; стали они суды судити, стали комара межъ собою дѣлти.»

Утро Нового Года особенно заветно счастливому хозяину. Если, по обычаю, съвѣши съ вечера подъ этотъ день за столъ, онъ за грудною пироговъ не увидитъ противъ себя спящей хозяйки, то значить долго можно ему будетъ спать на зарѣ. Въ этотъ вечеръ крестники и крестницы—дѣти одѣваются чисто-пацвсто и сходятся къ крестнымъ отцамъ и матерямъ, неся въ ми-сочкахъ пироги, хлѣбъ и квасокъ, кланяются и говорятъ: «Бать-ко да мать преслили вамъ этого; вечеряйте на здоровье.» А на утро довольнаго хозяина и угостятъ подаркомъ особаго ро-да. Толпы своихъ и чужихъ дѣтей, ожидавшихъ у порога толь-ко перваго дневнаго луча, врываются въ хаты съ рукавицами, шанками и платками, полными зеренъ гречихи, овса, гороху, про-са и другаго хлѣба, швыряють зерна по хатъ, въ усы и въ бо-роды хозяевъ, и приговариваютъ всѣ разомъ: «На счастье, на здоровье; уроди Боже жито, пшеницу и всякую пашницу! Сито, сито, кидася жито; куда махнемъ, тамъ и хлѣбъ найдемъ; съ того колосочка будетъ муки бочка! Мы того желаемъ, съ праз-ничкомъ поздравляемъ! Съ новымъ годомъ и Васплѣмъ!»

Хаты гладко-на-гладко выметены и вычпщены. Въ глиняныхъ курильницахъ у образовъ курится ладанъ. Священникъ заходитъ съ крестомъ и молитвою, освящаетъ и кропитъ святою водою всѣ окна, двери и домашніе предметы, на счастье и довольство цѣлаго года. Хозяева, въ чистыхъ рубашкахъ, только поклонны кладутъ, потряхивая кудрявыми головами, и подводятъ къ кре-сту дѣтей и внуковъ.

Въ праздникъ двери всякому отперты. У винаго сидитъ въ го-стяхъ кумъ изъ сосѣдней слободы, у другаго бѣдненькій ро-дичъ, у третьяго безсрочно-отпускной солдатъ изъ своихъ же сосѣдей. Хозяинъ радъ гостю и потчуетъ его, чѣмъ Богъ по-слалъ; а хозяйка уже и души въ немъ не чаеъ, лишь бы былъ солдатъ, да ласковый. Случись же на югъ морякъ, такъ не зна-ють, чего ему и поднести. Въ село Падалицу, близъ Ворсклы, пришелъ лѣтъ двадцать назадъ, Богъ вѣсть откуда, оставной матросъ, безъ роду и племени, сдѣлалъ на свободѣ хозяину од-ной хаты деревянную ложку, съ якоремъ на ручкѣ, понравилася ему и до-сихъ-поръ тамъ живетъ, любимый всѣми. Никого не

безпокоить вопросъ, зачѣмъ онъ тутъ и когда уйдетъ. У него немовѣрной величины бакенбарды, которыхъ онъ половину запускаетъ за воротникъ. Окруженный иногда мужиками, которые захотятъ посмотреть еще разъ, каковъ-таковъ есть на свѣтъ матросъ, старикашка, уже весь бѣлый, какъ пухъ, обыкновенно бодрится, говоритъ: «А посмотрите, какія у меня бакенбарды!» выпинаетъ бакенбарды изъ-подъ воротника и показываетъ всемъ окружающимъ. А окружающіе говорятъ: «Вотъ оно что, вотъ онъ каковъ-таковъ на свѣтъ матросъ!» и расходятся отъ него, качая головами...

На святкахъ справляются дѣвками любимыя ихъ гаданія. Много трогательнаго въ особенностяхъ украинскихъ гаданій. Сборы начинаются съ пѣсенъ. Передаю нѣкоторыя изъ нихъ въ переводѣ, на сколько можно передать особенности мѣстнаго говора *. Кто побойчѣе, начинаетъ общезвѣстными о любви, и потомъ это измѣняется на десятки ладовъ. «Охъ, ты, красавица, гордая, да пышна, отчего ко мнѣ съ вечера не вышла? Охъ, какъ же мнѣ выходить, стануть вороги судить! Пускай судятъ, какъ и разумють; придетъ пора, что и не посмѣють!» Иди въ избранную для «вечерушки» хату, ноютъ:

- Ужъ всѣ куры на нашестѣ,
- Пѣтухъ на порогѣ;
- Ужъ всѣ парни на улицѣ,
- А мой на дорогѣ.
- Не дымилъ, не топила,
- Стало въ сѣняхъ дымно;
- А какъ выйду я изъ хаты,
- Станетъ ему видно.
- Чьм-то пчелы, середь сада;
- Мои на долині;
- Охъ, кто любить, черны очи,
- А я голубыя!
- Охъ, мѣсяцъ ты, мѣсяцъ ясный,
- Не свѣти другому;
- Только милому, какъ будетъ
- Онъ итти до дому!
- И не видно-жь его дому,
- Видно только грушу;
- Туда-жь, туда позываетъ

* Варианты малорусскихъ подлинниковъ пѣсенъ известны всякому Малороссійанину. Здѣсь имѣется въ виду большинство русскихъ члггателей.

«Рано-поздно душу.
 «И не видно его дому,
 «Видно только дубчикъ —
 «Возлѣ него, недалеко,
 «Живеть мой голубчик!»

Веселье обхватываетъ всѣхъ. Выраженія пѣсень становятся еще жарче, еще ласковѣе.

— «Охъ, когда бы мнѣ да тѣ ужъ маляры,
 «Написали бы мнѣ милаго они;
 «Написали бы мнѣ милаго они,
 «Край кровати, край тесовой, у стѣны!
 «Написали бѣ мнѣ въ подарочекъ его,
 «Какъ на пташку, все глядѣла-бѣ на него!
 «Написали-бѣ противъ самаго стола,
 «Все глядѣла-бѣ на него, на сокола...»

Или такая:

— «Охъ, на горѣ, подъ горою,
 «Сидитъ голубъ съ голубкою;
 «Они себѣ цѣлуются,
 «Цѣлуются, милаются...»

—
 «Да когда-бѣ моя красавица да такая,
 «Какъ голубка у голубя молодая;
 «Я ее все цѣловалъ бы, миловалъ,
 «А до печи бы кухарочку напаялъ;
 «А ужъ къ ней самой Татарочку...
 «И я самъ бы по водицу ей ходилъ,
 «Мою-бѣ милую за рученьку водилъ.»

Сборы кончены. Хата наполняется подругами. Гаданія начинаются, и въ этомъ случаѣ безъ участія мужскаго пола, запытаго въ тотъ вечеръ другими своими весельями. Одна за другою вошли молодыя подружки, и все не съ пустыми руками. Та подѣлой шубы, тайкомъ отъ матери, принесла яицъ и масла; другая принесла иштуха; третья пару куръ, муки и соли; четвертая ишена и молока. Все это похищено у матерей, а нерѣдко и у сосѣдей, что, впрочемъ, не строго взыскивается обычаями «вечерушекъ». Ииво покушается на общую складчину по грошу или по гривнѣ. Начинается топка печи, мѣшеніе тѣста

для пироговъ и сдобныхъ лепешекъ; при этомъ шумъ, смѣхъ и новыя пѣсни. Зажженная лучина освѣщаетъ разубранныя головы и шитыя рубахи. Между хлопотами разсматриваются наряды. «Вотъ сумасшедшая! говорить, что не пойдетъ за Прокипа Микищенка! слышите, сестры?» восклицаетъ круглая, увѣсистая дѣвка, румяная какъ пюнь, и съ звонкимъ, какъ трещетка, голосомъ: «ну чѣмъ онъ не человекъ?—Человекъ хорошій, да я уже знаю, отецъ ее отдастъ за писаря!» — Слова относятся къ дочкѣ чумака Терешка Головни, невольно первенствующей между подругами. Высокая, полная, съ русою косою, шириной въ ладонь, и на головѣ съ цѣлою лавкою лентъ, алыхъ, синихъ, зеленыхъ и шарчевыхъ, стоитъ она въ поль-оборота къ огню, степенная и гордая, не двигая ни рукой, ни бровью, какъ истинная богачка-хуторянка, и слушаетъ даже съ опущенными глазами. Большіе сѣрые глаза такъ и смотрять въ душу, а брови широкія и черныя, какъ два сѣсивые жука, сошлись и не расходятся. Не всегда она такъ носитъ косу. Иногда подберетъ ее и, расплетя на двое, положить на головѣ, укрывъ ее только за-просто однимъ вѣнкомъ изъ темнопшпихъ васильковъ, или утыкавъ всю ее макомъ, гвоздиками и калиной. На плечахъ зеленая шерстяная кофта, на ногахъ красныя саночки, на шеѣ пять или шесть нитокъ мониста, красныхъ и синихъ гранатовъ, насльдїя еще покойной бабки. Изрѣдка только она усмѣхнется. Такихъ красавицъ читатель видѣлъ вѣроятно не разъ въ Малороссїи. «Ну, скажи, скажи, допытываются у нея подруги, толпясь къ ней и разсматривая то монисто ея, то серебряный дукать на груди, то самую сорочку: коли отецъ силой отдастъ за писаря, что ты тогда?» — «Утоплюсь, а не пойду!» твердо отвѣчаетъ пышная красавица, при чемъ только подвѣски дрогнуть въ ухахъ. На это раздаются восклицанїя ужаса и удивленїя. А маленькая, остроносая дѣвочка, рябая и всего двѣнадцати лѣтъ, тѣмъ не менѣе тянувшаяся вездѣ за большими и до этого съ молчаливымъ изумленїемъ глядѣвшая на все, при этомъ даже вскрикивать и выпускаетъ изъ рукъ принадлежнаго живаго петуха. Въ напряженной памяти ея на-долго, до поздней старости, остается видѣнное, и печка съ горшками, и тѣсто на столѣ, и толпа подружекъ, и гордая красавица въ шерстяной кофтѣ и съ дукатомъ.

Но вотъ, пироги замѣшены; лепешки съ масломъ, называемыя «орышками», обжарены; сдѣланы еще и «сластены», родъ

аладѣевъ, плавающихъ въ маслѣ; и пиво вынуто на столъ. Начинаютъ ѣсть и гадать.

Прежде всего набираютъ въ горсть кутьи, также припасенной на сходкѣ, и, выбѣжавъ за ворота, слушаютъ, гдѣ отзовется на селъ голоса или въ дальнемъ полѣ лай собакъ. Дыханіе затасно. Гдѣ послышится звукъ, тамъ и суженый. Морозная, звездная ночь дышетъ чутко; тамъ потрескиваетъ отъ холоду плетень, тамъ раздается по ветру говоръ подъ корчмою, оттуда несутся крики и будто смѣхъ, точно въ той сторонѣ тоже гадаютъ и парни перехватили гадальщицъ. «Пойдемъ скорѣе и мы; а то еще и насъ переймутъ!» говорятъ онъ и, обмерзнувши, гурьбой бѣгутъ въ хату, долго постукивая каблуками въ сѣняхъ.—«А что, не загадать на сѣмя?»—«Давайте, давайте!»—У многихъ оказывается въ башмакахъ, на лѣвой ногѣ, на днѣ, конопляное сѣмя, гостившее тамъ уже цѣлый день. Его высыпаютъ, подбираютъ и несутъ изъ хаты на «дровни», гдѣ дрова лежатъ, или на «курсадию», гдѣ куры на ночлегъ садятся, и тамъ посыпаютъ имъ по землѣ, приговаривая: «Кто мой суженый, ряженый, съ тѣмъ я сегодня во снѣ буду конопля брать!»—За тѣмъ, кто побойчѣе, вызывается подслушивать подъ окнами и на слышанномъ основывать свои догадки о судьбѣ. Для этого вызвавшаяся беретъ теплый пирогъ изъ печи, приглашаетъ съ собою двухъ, трехъ помощницъ, и бѣжитъ сторонкой подъ хатами, останавливаясь и подслушивая, пока не простынетъ пирогъ. Отрядъ несется, высматривая чутко, нѣтъ ли засады парней, и съ торжествомъ или уныло возвращается въ хату. «Ну-что, ну-что? слышали?»—«Слышали, да ничего хорошаго! Стоимъ мы, а въ хатѣ у Максима тихо, тихо, точно никого-никого нѣтъ и кто-то хнычетъ; должно быть спрота его, Оксана!»—Или: «Какъ пришли мы, а старикъ Бѣбрикъ и потянулся за столомъ, зѣвнулъ, да и говоритъ женѣ: сватать не сватать дочку, а отдавать замужъ, такъ ужъ припасай шубу!» Кое-же-гдѣ выходитъ просто ченуха: «Смѣхъ, да и только, сестрицы; пришли мы къ хатѣ «бочарѣ» Карбованца, а онъ должно быть пьянъ, что-ли, и говоритъ: шельмовскій, говоритъ, видюкъ, не дасть спать, скребется подъ лавкою; я тебѣ, говоритъ, такому-сякому!»—Гаданіе на чѣтуха и на кучки ячменныхъ или другихъ зеренъ, разсыпанныхъ по полу, съ мысленнымъ значеніемъ такого-то и такой-то, заключаетъ гадальный вечеръ. Шумъ и гамъ поднимаются по поводу разныхъ сметокъ и открытій.

Только-что вдоволь развеселился и уже, как это бывает, все разом говорят и ни одна не слушает, как въ припертыя спутри, на случай парней, наружныя сѣнныя двери раздастся сильный стукъ. Все замирають отъ испуга. «Это, дѣвки, «хлопцы!» — «Куда хлопцы, это вернулся самъ старый!» говоритъ шепотомъ подружка-хозяйки, за отлучкою отца въ городъ, тайкомъ пустившая къ себѣ гостей на «вечерушки». Съ этимъ словомъ, въ печь вкатывается ведро воды, огонь гасится, горники въ помылахъ летятъ подъ лавки, столъ очищается, заслонка приставляется къ печи, и гости, ухвативъ что попало изъ принесеннаго, выскакиваютъ въ сѣни и прячутся въ «коморъ» на чердакъ и за бочками. Нежданно-воротившійся хозяинъ входитъ и шарить по хатѣ въ потьмахъ, при чемъ дочка, соображая въ умъ, ушли ли во-время подруги, недвижно лежитъ на печи, будто спитъ, какъ ни въ чемъ не бывало. «Что за бѣсъ! ворчитъ долго еще старикъ, не найдя огня и ворочаясь на лавкѣ: точно домовые какіе, или овцы повыскакивали изъ-подъ ногъ, какъ входилъ, да и швомъ будто пахнетъ!»

Гаданія для шныхъ зимою еще сбываются. Въ одно утро дочка заботливаго отца только-что одѣлась и принялась за работу, въ окнѣ застучали. Отецъ переговаривается съ сватами, перевязанными черезъ плечо «ручипками» (полотенцамъ). «Мы слышали, что у насъ есть гусочка, а у насъ есть гусачокъ, говорятъ сваты: такъ, какъ бы сдѣлать такъ, чтобы ихъ снарить и чтобы они уже вмѣстѣ ходили и паслись?» — На это отвѣчаетъ отецъ: «Рады господамъ сватамъ, мплости просимъ!» — И «ручипки забраны», сватовство устроено. Разнообразные обряды свадьбы занимаютъ на долго тихій уголокъ...

Но что это? Неужели уже зима отходить? Февраль-Богогрѣй, не видимо и не гадаю уже вносить первое чуткое тепло. Въ воздухъ еще по временамъ морозитъ такъ, что пока успеешь ухватиться за носъ, а онъ и побѣлѣлъ, а уже галки кружатся веселье. Не оглянешься, какъ и верхніе колья плетней и углы хатъ, на подсолнечной сторонѣ, въ полдень, сегодня робко затаяли, къ вечеру опять обмерзли, а завтра и обнажились вовсе отъ снѣга. Небо становится ласковѣе, голубѣе. Почесывается и чумакъ-хозяинъ, чаще вставая съ печи, гдѣ пролежалъ всю зиму, и чаще навѣдываясь къ воламъ.

Волы первая забота чумака. Они имѣютъ большое значеніе и вообще для цѣлой Малороссіи, какъ рабочая сила для хлѣбопа-

шества и перевозки тяжестей, и какъ предметъ торговли, гдѣ продають ихъ гуртами на убой для мяса и сала. Кроме того, здѣсь отъ рогатаго скота вдутъ въ торговлю молоко, кожа, шерсть, рога и кости, и для топлива такъ-называемый «кнзьякъ». Молочнымъ сборомъ питается вся семья; на волахъ пашется земля, и ими же производится весь чумацкій пзвозъ. Многие занимаются скункою бычковь, нѣсколькихъ мѣсяцевъ откармливають ихъ и продають по второму и третьему году, получая за рубль десять рублей. Но ничто не сравнится съ переносчивостью собственно чумацкихъ воловъ. Какова должна быть ихъ сила, когда, отъ ранней весны вплоть до поздней осени, они везутъ на себѣ по 50 и 60 пудъ на парномъ возу тяжести, совершая въ это время, въ три конца, въ Крымъ или на Довъ и обратно, до 2000 верстъ, и еще въ промежуткахъ по двѣ и по три недели таскають на себѣ плугъ? — За то же, чумацкія жены зимою телятъ хоятъ въ хатъ, молокомъ и всякими поймами, почти на равнѣ съ собственными дѣтьми, а сами чумаки ничего не жалуютъ для своихъ воловъ. Они ищутъ рослыхъ, крѣпкихъ и выносливыхъ животныхъ. За пару иногда платятъ отъ 50 до 100 р. сер. Обыкновенная цѣна за пару отъ 30—60 р. сер. У инаго чумака держится паръ десять, двадцать и тридцать воловъ, и все на подборъ, сѣрые, смурые, черные и «половые» (желтоватые), такъ часто воспѣваемые въ пѣсняхъ. По пятнадцатому году хорошіе, а по двѣнадцатому и десятому похуже во-лы уже бракуются и продаются гуртовщикамъ на убой. Собственно причина брака ранняя потеря зубовъ, которая при зимнемъ кормѣ на теплой «бардѣ», имѣющей еще свойства окисляющія, является и того ранѣе, именно на 8 и 9 году. Барда, жижа, остатки отъ хлѣбнаго вина, вытекающія въ видѣ киселя въ особый чанъ, ежедневно, при винокуреніи на заводахъ. Тамъ она нѣсколько остываетъ и ее черпають въ корыта для поѣла состоящихъ, по условію, при заводѣ воловъ, коровъ и свиней, изъ околотка. Чумакъ, имѣющій нѣсколько паръ воловъ, если не самъ идетъ, то нанимаетъ на это время работника. Онъ является на винокурню и условливается съ хозяиномъ ея, сколько ему нужно ежедневно барды и по-чѣмъ за четверть ее, отпускаемую каждый день, въ продолженіе винокуренія, то-есть отъ начала октября до весны. При хорошемъ урожаѣ четверть барды, такъ отпущенная, стоитъ около 40 р. сер.; при худомъ восходитъ до 50 и 75 р. сер.—Разсчетъ здѣсь тотъ, что пять

паръ воловъ съѣдятъ пять стоговъ сѣна, по десяти рублей сер. за стогъ въ хорошій урожай, если ихъ не кормить бардой; итого 50 р. сер. На пять же паръ воловъ идетъ четверть барды, стоящая только 40 р. сер., и на ней они откармливаются лучше, хотя это нѣкоторыми оспаривается. Волы на этомъ пойдъ становятся тучны и жирны, что особенно помогаетъ при продажѣ гуртовщикамъ на убой старыхъ, беззубыхъ воловъ, не могущихъ уже откормиться на сѣнѣ; но эта тучность непродолжительна и проходитъ скорѣе, нежели если бы волы были откормлены на хорошемъ сѣнѣ. Одно можно сказать, что почти безъ исключенія на всѣхъ винокуренныхъ заводахъ въ Малороссіи на зиму чумаки откупаютъ барду и съ весною не нахвоятся видомъ скота. Повсемѣстное же паденіе винокуренныхъ заводовъ отъ уничтоженія вольной продажи вина въ Малороссіи, въ послѣднее время оказало вліяніе на поддержаніе скотоводства. Чумаки безъ барды не обойдется. Можетъ быть, это еще происходитъ отъ той-же лѣни, легко допускаемой при такомъ нетрудномъ уходѣ за скотомъ. При кормѣ бардою, въ избѣжаніе болѣзни дѣсенъ и языка, волаиъ дается въ перемежку еще небольшое количество соломы.

Падежи, почти по-очередно, въ пять и въ семь лѣтъ разъ, уничтожаютъ огромныя стада рогатаго скота на югѣ. Кромѣ того, отъ дурнаго ухода, засухъ, ранняго изнуренія работою и неосвѣженія стадъ новыми породами, убыль и измельчаніе степнаго рогатаго скота ежегодно становятся болѣе и болѣе замѣтными. Собственно въ Южной Россіи считается статистиками семь породъ рогатаго скота. «Первобытная» или такъ-называемая «степная», малаго роста и малой силы, бѣдная мясомъ и молокомъ; быкъ въ ней равняется почти доброму венгерскому теленку. Она составляетъ треть всего рогатаго скота края. Породы «черкасская» или «украинская» — разведенная съ незапамятныхъ временъ отъ хорошихъ быковъ и коровъ и улучшенная подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій. Это породы воловъ «спыныхъ» или чумацкихъ чистой крови, рослая и сильная. Породы «голландская», на заводахъ утонченнаго скотоводства, у нѣкоторыхъ помѣщиковъ и нѣмецкихъ колонистовъ. Породы «швейцарская» только у колонистовъ, занимающихся выдѣлкою сыра и масла. Породы «фрисландская» также у колонистовъ, схожая съ предыдущею. У меннониста Корнуса, въ имѣніи Юшанлы, недавно разведенная порода «холмогорская», въ смѣси съ туземною отъ

пѣмецкихъ породъ. И наконецъ «венгерская», лучшая изъ всѣхъ по силѣ, росту и тучности животнаго. Статистика края исчисляеть количество рогатаго скота на югѣ Россіи, до страшныхъ падежей 1848 и 1849 годовъ, почти въ 2 милліона головъ, не смотря на предшествовавшіе еще падежи съ 1833 года. Въ 1846 и 1847 году пало до 600 тысячъ головъ. Круглымъ числомъ приходится на югъ по двѣ головы рогатаго скота на семью или хозяйство.

Любовь любовью, а свекровь свекровью, говоритъ пословица. Не смотря на всѣ заботы о волахъ, чумаки иногда съ ними выкидываетъ странныя вещи. Ни съ того, ни съ сего, возьметъ да и прогуляетъ ихъ до одного, гдѣ-нибудь въ корчмѣ. Я знаю любопытный случай.

Братъ знакома моего, богатаго торговца сушеными грибами и чумака подъ Ольшаною, харьковской губерніи, Андрея Свзѣна, Николай Свзѣмъ, пошелъ за рыбою на Донъ съ пятьдесятью парамъ воловъ, зазимоваль тамъ въ ожиданіи лова рыбы и весенняго пути для возвращенія бо-своися, да гдѣ-то на линіи, близъ рѣчки Бѣлой, всѣхъ ихъ и пропиль.

Подъ Изюмомъ, гдѣ въ семьѣ у однихъ чумаковъ, по имени Забашты, считается до сто паръ воловъ, а у всѣхъ двухъ-сотъ околныхъ чумаковъ до двухъ тысячъ паръ воловъ, для перевозки въ Донскія земли и въ Крымъ глиняной посуды, главныхъ подъялокъ окрестныхъ поселянъ, а оттуда рыбы и соли, подобныя продѣлки также бывають часто. Въ нынѣшнемъ году, отъ повсемѣстной засухи на югѣ, начался снова сильный падежъ по Донцу и по Торцу, Харьковской губерніи, и въ другихъ мѣстахъ юга. Мѣръ къ прекращенію падежей до-нынѣ не открыто никакихъ; предохранительныя же средства мало дѣйствуютъ, по общей безопасности народа. А между-тѣмъ наглядная торговая важность рогатаго скота здѣсь видна уже изъ тѣхъ чиселъ, въ которыхъ является мѣстный извозъ. Въ обнародованныхъ извѣстіяхъ объ учрежденномъ на дняхъ «Товариществѣ Днѣпровскаго низоваго пароходства» говорится, что черезъ степи ежегодно провозится къ портамъ юга и въ Россію: 8 милліоновъ пуд. соли; 9 милліоновъ пуд. пшеницы; 3 милліона пуд. другаго хлѣба; 600 тысячъ пуд. льнянаго сѣмени, сала, кожъ и другихъ сырыхъ произведеній; 100 тысячъ пуд. испанской шерсти; 50 тысячъ пуд. крымскихъ и бессарабскихъ плодовъ; 800 тысячъ ведеръ крымскихъ и бессарабскихъ винъ, и, кромѣ многаго

другого, 400 тысяч ведеръ хлѣбнаго вина. — Статистика говоритъ, что подъ извозомъ одной соли, названныхъ 8 миллионъ пудовъ, ходятъ 120 тысячъ возовъ, при нихъ 30 тысячъ чумаковъ и 300 тысячъ воловъ, считая на нѣсколько возовъ еще обычныхъ запасныхъ воловъ.

Когда Текели бралъ Съчъ, немецкаго генерала удивило, что столь славные Запорожцы ѣдятъ изъ простыхъ корытъ. Старшины отвѣчали ему: «Хоть съ корыта, да до сыта, а хоть съ блюда, да до худа.» Этой пословицы придерживаются до-нынѣ все зажиточные истинные сыны Украйны. Какъ бы ни былъ богатъ малороссъ-простолюдинъ, онъ не оставляетъ своихъ привычекъ, ходить въ той же грубой суконной «свиткѣ» и бараньей шапкѣ, также держать въ строгости и умеренности семью, не давая волн женѣ на мотовство. Только въ хатѣ его чище и просторнѣе. Столъ гладко выструганъ и покрытъ бѣлою скатертью. На немъ постоянно лежитъ свѣжій хлѣбъ съ солью. Въ печи рядкомъ и на полкахъ стоятъ лоханки и горшки. У двери ушатъ съ водою и «дижа» для опары хлѣба. Всякій хламъ развѣшанъ на длинной жерди, отъ печи до другой стѣны: заячья шубка дочке, на голубомъ китайчатомъ подбозѣ, лисій «шунунъ» хозяйки, крытій зеленою полосатою набойкою, шаравары самого хозяина, мотки шерсти, шитое полотенце и связка луку. Изъ-подъ этой рухляди глядитъ съ «запечка» неподвижное лицо счастливаго хозяина. Въ ожиданіи весны, онъ дремлетъ за трубкою, зѣваетъ и разсматриваетъ, какъ утромъ лучъ солнца прорѣжется и осветитъ край печи, порогъ и кадку съ водою, какъ къ полудню онъ перейдетъ на полъ, протянется отъ потолка вдоль потемнѣвшихъ отъ времени вконѣ и къ вечеру исчезнетъ, оставивши все въ темнотѣ. Или слѣдитъ, какъ, за отсутствіемъ по работамъ во дворѣ хозяйки, тишинѣ хаты нарушаетъ только одна любимая хозяйкина хохлатая насѣдка: то чопорно выйдеть одна съ хохолкомъ на головѣ изъ-подъ лавки, на серединѣ хаты, и бережно ступаетъ, поводя головой и разсматривая, нѣтъ ли кого у миски съ кашей, забытой на столѣ, то опять скроется подъ помость, на отсидѣлое гнѣздо свое, и по-полу, усыпанному свѣжимъ пескомъ, только останутся значки слѣдовъ отъ осторожныхъ пожекъ ея...

Уже старинныхъ запорожцевъ изображали сильно лѣнливыми и неподатливыми на подъемѣ. Насмѣшливыя картины на самой Украйнѣ въ каждомъ кабацѣ представляютъ ихъ съ этой сторо-

ны. Подъ одною подписью: «Сидитъ казакъ на жнивьѣ, да штаны латаетъ; жнивье его... въ спину колетъ, а онъ жнивье лаетъ.» Другая подпись говорить: «Казакъ, когда не пьетъ, такъ блохъ бьетъ, а все-таки не гуляетъ.» Не гуляютъ съ этой стороны и нынѣшніе представители запорожцевъ. Киргизъ по цѣлымъ днямъ способенъ просидѣть на курганѣ, поджавъ ноги, и съ вершины его глядѣть въ туманную даль родной степи. Чумакъ также можетъ по цѣлымъ недѣлямъ зимой не слззатъ съ печи и глядѣть оттуда то въ потолокъ, то на полъ, то на стѣны, куря трубку и едва-едва пророняя льнявыя слова.

За то, чуть пахнуло весной, чуть потянулъ съ юга знакомый, особенно теплый и полный какой-то музыки и обоятельной нѣги вѣтерокъ, онъ уже на ногахъ. Грудь его высоко вздымается; онъ подтянулъ поясъ, тревожно глянулъ въ окно и говорить женѣ: «А что, жинко, должно быть уже весна на дворѣ?» — «Можетъ и весна!» замѣчаетъ покорно и робко жена. И оба выходятъ взглянуть на порогъ хаты, смутно вглядываясь въ окружающее.

ГР. ДАНИЛЕВСКІЙ.

ЗАМѢТКИ О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ ВЪ ГЕРМАНИИ.

Въ предъидущей статьѣ нашей * коснулись мы поэтической дѣятельности Генриха Гейне. Мы не можемъ разстаться съ знаменитымъ поэтомъ, не сказавъ еще нѣсколько словъ о послѣднихъ дняхъ его жизни. Пребываніе въ Парижѣ было сначала для Гейне блестящимъ рядомъ непрерывныхъ праздниковъ. Онъ съ беззаботной удалью предавался всемъ развлечениямъ неутомимой столицы, посвящая большую часть времени пирамъ съ легкомысленными друзьями и веселыми женщинами. Здѣсь же началась для него и семейная жизнь въ самомъ привлекательномъ

* См. Б. д. Чт., январь 1857 г.

ПРАВЫ И ОБЫЧАИ УКРАИНСКИХЪ ЧУМАКОВЪ.

ОЧЕРКИ ЧЕТЫРЕХЪ ВРЕМЕНЪ ГОДА ВЪ МАЛОРОССІИ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ 1856 года.)

II.

ВЕСНА.

Предвѣстники весны.— Степное половодье.— Постепенный возвратъ зелени и появленіе птиц.— Чумацкій хуторъ.— Общее между вербой, воломъ и чумакомъ.— Календарь весеннихъ примѣтъ и повѣрій.— «Веснянки». — Весеннія чумацкія ярмарки.— Первые подряды въ отъѣздъ.— Новѣйшее видоизмѣненіе чумацкаго промысла.— Чумацъ Андрей Сизенъ.— Павло Бобрикъ.— Сборы въ путь.— Сорочка, прощанія.— Роль пѣтуха.— Отъѣздъ.

«Та вже весна, та вже красна,
Изъ стрихъ вода капле:
Ой виже жъ тобі, чумаченько,
Мандривкою пахне.»

(Народная пѣсня.)

Весна дѣйствительно близко...

— Э! да и бѣсова же была зима; дала, чтобъ ей не легко было, знать себя и лысымъ и плѣшивымъ! говоритъ чумацъ, поглядывая на возы и стоя уже на крыльцѣ противъ солнца, въ одной рубахѣ и безъ шапки.

Бѣлые клочковатые облака какъ-то неспокойно бѣгутъ въ вышинѣ. Что-то незримо подступаетъ. Еще въ воздухъ морозить, еще подъ ногами хруститъ, а въ лицо пашеть уже привѣтливымъ, праздничнымъ, тепломъ—не тепломъ, а чѣмъ-то на него похожимъ. Какъ выйдешь въ полдень и станешь середь двора, кругомъ слышится какое-то движеніе. Вдохнешь свѣжій воздухъ, точно вдохнулъ легкій паръ вина. Кажется, хмѣль струится всюду. И куда ни пойдешь, тоже самое. Каждый входящій въ ха-

Т. СХІІ. — Отд. VII.

ту, вносить съ платьемъ своимъ свѣжесть и благоуханіе: отъ шапки, рукавицъ и пояса пахнетъ весной. И она не за горой.

Огромный, тощій, исхудалый грачъ летитъ, каркая, надъ свѣжою поляной. Рыжій байбакъ вскидывается отъ зимней спячки, становится на заднія лапки у норки и пускаетъ по степи пронзительный свистъ. А вотъ и цапля. Низко летитъ она, Богъ вѣсть откуда, и, тяжело взмахивая крыльями, опускается еще на обледенѣлыя рѣки. Не оглянешься, какъ въ одно прекрасное утро земля просыпается въ заревъ тревожной, туманной и теплой, весенней зари. На сѣверъ, для водворенія весны, какъ для будочника или дворника, нужны заступъ и ломъ, топоръ и лопата, и долгій-долгій майскій зной. На югъ весна приходитъ и водворяется разомъ, снимая и унося зиму врасплохъ. На сѣверъ солнце еще церемонится. Тутъ же ни что не преодолагаетъ его ликующей силы. Выглянетъ оно изъ-за вершины пологого косогора, или изъ-за лѣса, и весь день смотритъ безъ усталости. Подъ палящими лучами его, какъ по манію волшебника, все дымится, обрушается, шумитъ, реветъ, и въ нарахъ, и въ туманъ улетаетъ въ небо. Устаютъ сугробы и наметы, лужи и снѣговые водопады. Вчера еще передъ глазами вдали отънялъ поле бѣльсоватый кряжъ холма, кое-гдѣ только тронутый еще черными подталынами. Съ полудня тогда же онъ точно задымился и, въ моръ солнечныхъ лучей, будто сталъ колыхаться, плавая въ туманъ. Прошла ночь, снѣгу уже нѣтъ. А на мѣсть его, черезъ день, черезъ два, проложены уже свѣжія краски новой яркой зелени, какъ-будто выросшей подъ снѣгомъ.

Едва успѣли упасть съ крыши первыя брызги «капель», подъ косвеннымъ утреннимъ лучомъ быстро затаяли болота и лоза родниковъ, и вся окрестность превратилась въ сверкающія волнистыя стекла, по которымъ отъ вѣтра бѣжитъ и стелется паутина. Пронесся слухъ, что затопило сосѣднюю «балку», громадный степной оврагъ, изобилующій приземистымъ, краковистымъ лѣсомъ. Деревня въ волненіи. Балки очень опасны. При затопленіи ихъ, пути прерываются. На видъ онъ ничего. Иногда подъѣдешь къ ней, смотришь, она почти пустая, свѣжожь облегаетъ бока и на днѣ воды по-колыно. А възахалъ, не успѣешь добраться до другаго берега, какъ гдѣ-нибудь подмытый сугробъ прорвало, вода хлынула, затопила балку до врасвъ, и возъ съ путникомъ, всплывая и вертясь въ мутномъ потоцѣ, уносится по теченію. Хорошо еще, если его скоро выкинетъ на бе-

регъ или онъ зацѣнится гдѣ-нибудь за дерево. Несчастій на этихъ балкахъ не обираются, и никакіе мосты на нихъ не удержатся. За балками идутъ степныя рѣченки. Смотришь, грязная, ничтожная, лѣтомъ едва сочится въ тинь или между камышами; а тутъ разлилась и раскидывается версты на двѣ по лугамъ. Тогда переѣзжаютъ черезъ воду на плывучихъ помостахъ, которые ходятъ не по канату, а отводятся на веслахъ выше по берегу и пускаются по теченію, при помощи руля. Воду выносить ихъ версты полторы или двѣ ниже, при чемъ не обходится, чтобы сколоченный наскоро помостъ не покачулся и не упалъ съ него въ воду либо стогъ сѣна, либо испуганный шумомъ рѣки волъ, либо шапка зазѣвавшагося поселанина, либо самъ поселанинъ. На самыхъ большихъ рѣкахъ въ степи нѣтъ еще сносныхъ мостовъ и, напримѣръ на Дону въ Изюмъ, гдѣ пролегаетъ важная отрасль чумацкаго пути, устроенъ для сохранности такой мостъ, что ледъ идетъ въ половодье черезъ него. Вскрытіе рѣки въ деревняхъ встрѣчается какъ праздникъ. Чуть «щука хвостомъ пробилла ледъ» и онъ тронулся, на берегъ высыпаетъ цѣлая деревня. Начинается съ любопытства, но потомъ всѣ тутъ застаиваются и проводятъ цѣлые дни; кто съ лаханкой, кто со взятымъ подъ мышку бѣльемъ, когда его еще нельзя мыть въ рѣкѣ, а кто и такъ, ради говора и соображеній другихъ. Тутъ же появляются гречаники на лоткахъ, сладѣнницы съ жаровнями, и открывается настоящій рынокъ. А вода бѣжитъ, шумитъ, сноситъ плотины и мельницы. Мальчишки среди улицъ, пересѣченныхъ такими же рѣками и ручьями, въ маломъ видѣ, ставятъ на руслахъ изъ досечекъ самодѣльные мельнички и заплетаютъ изъ прутиковъ и соломы плотины. Къ вечеру какъ-будто подморозитъ. Выйдешь на крыльцо, кругомъ тихо, только дальняя собака гдѣ-то лаетъ. А между тѣмъ, въ темнотѣ, кругомъ раздается прерывистый плескъ и неугомонное шуршуканье бѣгущей подъ заборами и въ разныхъ уголкахъ воды. По цѣлымъ часамъ стоишь и слушаешь, какъ вода то закипитъ подъ плотиной за селомъ, и шумъ ея мимоходомъ долетитъ съ вѣтромъ въ тѣсный дворикъ: то зашевелится и зашелеститъ у сарая, пробуравя тихо норку подъ евалянною у плетня соломой; то мелкими, звонкими каплями, какъ горохъ или дробь, посыплется въ потьмахъ съ крыши, будто ее обхватило бродячимъ теплымъ вѣтромъ и она подъ его струею вдругъ затаяла...

Прежде всего показывается мелкая прошлогодняя зелень. Сокъ еще не всходилъ по вѣтвямъ. Но изъ влажнаго пригрѣтаго чернозема уже пробиваются первыя травы, тутъ же на юномъ ростѣ прямо и разцвѣтая. Кажется, что онѣ выходятъ изъ земли не стебельками, а готовыми уже вѣнчиками. Голубые колокольчики «прѣлѣсковъ» смѣняются лиловымъ «рясомъ», рясъ смѣняется желтымъ редисомъ и ландышами. Въ мартѣ потянулись первыя стаи журавлей, прилетѣли жаворонки; за ними явились утки, ласточки, аисты и ежи. Въ апрѣль прилетѣла кукушка. Льсной куликъ порхаетъ у корней еще обнаженныхъ деревьевъ. Соки въ послѣднихъ восходятъ выше и выше. На гладенькихъ, сизоватыхъ сучьяхъ, появляются первыя цвѣтковыя куколки. Еще листьевъ вѣть, а изъ мелкихъ почекъ уже выглядываютъ востроносые лепестки бѣлыхъ молоденькихъ вѣнчиковъ. Прошелъ день, и не узнать гдѣ-нибудь цѣлаго угла въ затишь сада. Яблони и груши цвѣтутъ позже. Тернъ и черѣмха начинаютъ прежде всего. Приземистые тонкоствольные кусты терна, точно выточенные гладкими прутиками изъ лиловаго коралла, усываются натканными безъ числа молочными шариками. Еще день, терна опять не узнать. На вѣтвяхъ все еще ни листочка, а шарики распустились звѣздочками и въ одну ночь окинули кусты точно снѣгомъ или пухомъ. Все сливается въ бѣлую стѣну. Будто выросли изъ земли серебряные кусты. И отъ нихъ несетъ острымъ запахомъ меду. А кругомъ еще шумѣе. Появилась въ болотъ лягушка; за нею показался комаръ и мошка. На вскрышіеся, еще липкіе побѣги листьевъ вяза и липы прилетѣлъ, жужжа, рогатый майскій жукъ. Показались грозовыя тучи. На отросткахъ озими отродилась гусеница; на листьяхъ ясени явились «майки»—шпанскія мухи. Ударилъ первый громъ. Сада не узнаешь. Тамъ на дорожкахъ уже чернѣютъ ямки и дырочки пауковъ и козявокъ. Подорожный жукъ, по обычаю, ползетъ уже задомъ къ своей норкѣ и катитъ туда черезъ соломенки тщательно и суетливо скатанный изъ всякаго хлама шарикъ. Бирюзовая букашка поднимается съ листка и, проносясь въ воздухъ, раскидываетъ на-диво нѣсколько паръ кисейныхъ и чешуйчатыхъ крылышекъ своего наряднаго панциря. А вотъ и соловей. Въ глухомъ приземистомъ кустѣ крыжовника, сегодня онъ звякнулъ не въ-попадъ, какъ-будто не выпѣлся и не узналъ еще собственнаго голоса. Даже покажется, будто къ ночи, при неудачномъ началѣ, онъ и улетѣлъ. Но приходитъ другая тѣлая

и душистая заря. Тотъ же соловей перебираетъ уже смѣле свои лады. Завтра ему то тамъ откликнется соловей, то здѣсь двое или трое. Черезъ день вы насчитаете ихъ въ своемъ саду, на десятинѣ и того менѣе земли, чуть не дюжину. А послѣ завтра, когда чуть станетъ брезжиться день или, какъ говорится, «благословится на свѣтъ» и они отзовутся подъ окнами, всякія ожиданія будутъ превзойдены. Садъ застонетъ отъ криковъ, свистовъ и пѣсенъ соловьиныхъ и не соловьиныхъ. И это пойдетъ до конца весны. Притомъ же, что ни день, то опять обновка. Тамъ распустилась шелковистыми кудрями береза, здѣсь клѣнъ сталъ изъ клейкихъ комковъ выпускать свои зонтичные листки, точно сжатые пальцы изъ зеленаго кулачка. Зацвѣли яблоня и груша. Первая розовыми, вторая бѣлыми чашечками. А яркая зелень уже устилаетъ землю и глушитъ между деревьями. Толстобрюхія ящерицы шныряютъ въ травѣ. Станешь въ полдень, когда уже жарко и ищется невольно тѣни, подъ столѣтнюю грушу, усыпанную цвѣтомъ: по вѣтвямъ ея снуютъ безъ числа, съ звонкимъ жужжаніемъ, пчелы, и кажется, что это не груша, а все натянутыя и раскинутыя струны, изъ которыхъ каждая сама звучитъ, какъ очарованная. И, какъ быстро развивается дѣвочка, вчера еще дѣтя, съ отрочески-неокругленными и неразвитыми членами, также быстро развивается и вся эта окрестность. Нѣжныя распуколки дали цвѣтъ; все одѣвается въ зеленые и пестрые брачные уборы. Еще три-четыре недѣли, и природа, какъ мать, нѣжно прижметъ къ груди своей новыхъ рожденныхъ дѣтей домовитой и хлопотливой семьи своихъ воздушныхъ и земныхъ обитателей.

День выросъ. Труженики зимы, портные, скорняки и ткачи, выносятъ, по обычаю, со смѣхомъ и толкотней, во дворъ обверченную питками зимнюю мучительницу, *свѣчку*, и тамъ съкутъ ее кнутомъ, приговаривая: «Теперь весна, а не зима; лежи до осени, а намъ посвѣтитъ и солнцу!» Но болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, въ это время заботъ и хлопотин на чумацкихъ хуторахъ. Поведемъ туда читателя, и поведемъ въ самую глушь, въ одинъ изъ отдаленныхъ «старозаймочныхъ» чумацкихъ хуторовъ, хоть положимъ близъ Днѣпра, къ чумаку Роману Балабухѣ, котораго дѣдъ, тоже Романъ, какъ выселялся въ сердцахъ изъ села Кѣноновки, гдѣ ему стало тѣсно, и какъ съѣлъ хуторомъ на дорогѣ, въ оврагѣ, близъ Днѣпра, такъ хуторъ тотъ и назвался: *Романъ при дорѣзи*.

Но если вы пойдете, Романъ при дорожнѣ откроется еще не скоро. Прежде вы будете идти стѣною, мимо озеръ, гдѣ, то тамъ, то здѣсь, откликнется крикъ дикаго гуся или журавля, а направо и налево идутъ громадныя зеленыя, цвѣтушія лѣсами балки. Въ сторонѣ, чуть накалится воздухъ, надъ дрожащею чертою синьющей дали показывается «марево» — миражъ, создаетъ и рушитъ надъ стѣною, то выше, то ниже, либо рѣку, либо лѣсъ, или цѣлыя очертанія туманныхъ городовъ и башней, съ остріями каланчей и рядами домовъ. Волны этого «марева» то становятся бѣлыми, то сизыми, какъ дымъ, то зеленоватыми, и, плывя, исчезаютъ за холмомъ, на которомъ обрисовывается издали очеркъ длинноногаго журавля, задумчиво заснуваго на одной ногѣ, поджавши другую и выставивши на воздухъ острый носъ. Вы идете ближе къ повороткѣ, мимо одинокаго колодца, гдѣ прохожія стада поятся въ полдень и вечеромъ. Изъ-за косогора мелькаетъ какой-то шестъ и выставляется рогуля; то показываются верхи деревянныхъ «журавлей» на колодцахъ хутора, еще скрытаго подъ горой въ оврагъ. Вотъ и самъ хуторъ.

Пять или шесть хатъ, въ-разсынку, торчатъ по откосамъ трехъ овраговъ, сошедшихся здѣсь въ одинъ огромный «логъ». Между хатами взбираются на гору и идутъ книзу сады. На днѣ лога бѣзуютъ трѣя уступами три пруда, одинъ ниже другаго, соединенные плотинами. Огороды окружаютъ ихъ влажные бока. Это все дѣло рукъ стараго Романа и его новаго потомства. Но васъ поразитъ глубокое молчаніе хутора. Ни одинъ звукъ не долетитъ въ это время до ушей, развъ только отзовется гдѣ-нибудь, роясь на кучѣ сора, пѣтухъ, да при входѣ на хуторъ взвьется, отъ пруда и съ хлѣбнаго тока, отодвинувшася въ бокъ отъ хатъ, согнанная появленіемъ гостя всполнская стая голубей, которая взлетитъ и, крутясь, застелетъ на время отъ солнца весь логъ. Это значитъ, что время спорое и что хозяинъ пѣтуть весной не любитъ: все, что было на погахъ, какъ говорится, до послѣдней кошки, ушло въ поле на работу.

Тропинка ведетъ съ вершины холма, отъ трехъ мельницъ, ставшихъ по стрункѣ рядомъ на вѣтрѣ, къ обиталищу самого хозяина, Романа Андреевича Балабухи. Это тоже хата, крытая соломой и выбѣленная снаружи, только попросторнѣе. Другія хаты занимаютъ второстепенными родичами чумака, выселившимися съ нимъ и по его милости. Правду говорятъ украш-

ская пословица: «душа въ огородъ равна воеводѣ». Какъ не быть счастливу Роману Андреевичу? Съ крыльца обиталища его открывается весь логъ, какъ на ладонкѣ. Съ боку и у ногъ идутъ сады, съ вишневыми, яблочными, грушевыми и другими щенами. Изъ гущи одного изъ нихъ выглядываетъ курень и ряды бѣлыхъ ульевъ паськи. Дворъ загороженъ амбарами, сараями, клетями и погребомъ. Къ послѣдному примыкаетъ на столбахъ сажь, для откармливанія кабановъ. Къ особому загону для волвъ, содержимыхъ съ неимоверною заботливостью, пристроенъ навѣсъ, гдѣ свалены зимнія дровни, старые возы и всякія деревянные подъяки. По случаю весны, на веревкѣ, перекинутой отъ сарая къ погребу черезъ дворъ, развѣшана разная рухлядь: заячьи тулупы, занасные шаровары, пугбы, шапки и полств. На сучкѣ березы повѣшено ведро. Куры прохаживаются передъ крыльцомъ, усыпанномъ пескомъ. Рыжая кошка, съ воробьемъ въ зубахъ, крадется подъ амбаръ. А среди двора, правильно вереницей, стоятъ уже тридцать снащенныхъ возовъ, готовыхъ отправиться въ путь. Широкая тѣнь, не смотря на зной, покрываетъ ихъ и часть хаты. Пять исполинскихъ дулистыхъ вербъ стоятъ у послѣдней, поддерживая въ воздухъ мудрявые шатры своихъ ветвей и листьевъ, точно выстроенные въ воздухъ на столбахъ замки. Есть что-то особенно привлекательное въ украинской вербѣ. Ея уживчивость въ стени изумительна. Стоитъ льнивому простолудишу воткнуть въ огородъ ~~вмѣ~~ у илотины колышекъ, стоитъ ему, задумавшись, опереться на палку и позабыть ее вынуть изъ земли, и верба, разрастаясь, лѣтъ въ пять-шесть покроетъ и его огородъ, и прудъ, и хату. Видъ бѣдной одинокой вербы, на большой пустынной дорогѣ, подъ выгами и непогодами, поставленной для тѣни и для развлечения взоръ, невольно трогаетъ. Шумъ ветвей ея въ осень, когда все уже укрывается въ тулупъ и изрѣдка показывается носъ на порогъ, сильнее наводитъ тоску, при мысли о прошедшемъ лѣтѣ. Подъ вербу садится сельская семья въ теплые вечера ужинать. Къ ней, въ пѣсняхъ, въ смутныя времена Украины, обращались осиротѣлыя матери и невѣсты. Въ южно-русской сказкѣ, въ вербу, воображеніемъ народа, превращена отъ слезъ сестра убитого на войнѣ брата. Вербѣ, наконецъ, вмѣстѣ съ чумакомъ и волкомъ, вмѣстѣ какое-то единство. Уживчивость въ стени, при всякихъ мытарствахъ и невзгодахъ, чумака, вола и вербы удивительна. Волъ и чумакъ въ дорогѣ, безъ жилищъ и безъ средствъ

укрыться отъ холода и бури, неразлучны. Тяжело ступая, почти едва передвигая ноги, оба они идутъ, одинъ подъ ярмомъ, другой съ боку съ кнутомъ, едва помахивая имъ только по воздуху, и незамѣтно дѣлаютъ переходы въ тысячи верстъ. Верба, посаженная кое-какъ, изъ пенька, изъ колышка, взрощенная тоже кое-какъ, на бѣдной или вредной почвѣ, на распутии дорогъ или у тинистой плотины, тоже терпѣть, расти и все переносить. И не даромъ пѣсни выводятъ нераздѣльно вола, чумака и вербу; гдѣ волъ, тамъ и чумакъ, гдѣ чумакъ, тамъ и верба. И за то, съ какимъ томительнымъ уныніемъ, съ какою безмолвною грустью, прислушивается иногда чумакъ къ шуму листьевъ вербы, состарѣвшійся и не наживши своимъ ремесломъ ничего, при общихъ падежахъ скота. Она говоритъ ему о лучшихъ временахъ, когда еще только была посажена; а теперь сквозь ея своды уже едва виднѣется золотой рогъ мѣсяца. Много воды утекло съ той поры: и она вся въ дуплахъ, и онъ—бѣднякъ бѣднякомъ. Но мы долго засидѣлись на хуторѣ Романа Балѣбухи. Пока онъ съ работниками управляетъ въ полѣ и собирается въ отъездъ, посмотримъ, что вообще въ это время дѣлается въ другихъ мѣстахъ и у другихъ чумаковъ....

Календарь стеней имѣетъ и на весну свои особые примѣты. Еще съ той поры, какъ на Срътеніе зима встрѣтилась съ весною, а съ Сорока мучениковъ хоть и было еще сорокъ утренниковъ, все шло, какъ предсказывали старожилы: въ мартѣ солнце стало «марить» землю, въ апрѣлѣ стали прѣть покосы, на Руфа рухнули послѣднія снѣжныя залежи, а какъ пришелъ Ерѣма-запрягальникъ, хозяева стали запрягать воловъ. Послѣ Авдотьи-кузнечихи, смѣненной Ириной-урви-берега и разрой-снѣга, подулъ тепломъ Алексѣй-теплый; Егорій-съ-водой смѣвился Николай-съ-травой. На Благовѣщенье еще весна совсѣмъ поборола зиму. Тогда еще перестали зажигать свѣтъ въ хатахъ и начали выходить спать въ кѣлти, сарай, оставляя въ хатахъ однихъ больныхъ и старухъ. Поселянинъ-земледѣлецъ не теряетъ времени. Апрель-Травень «богатъ, хоть и не равенъ.» Чуть развернулась березовая почка, свѣй яровое. Овесъ свѣй хоть въ воду, да лишь бы въ пору, хоть и на снѣгъ да въ сумѣтъ, онъ и рукавицу проростѣтъ. На Зоссиму выпускай пчелъ; Зоссиа имъ покровитель, вмѣстѣ съ Савватіемъ. Припасай пашню и берегись двухъ Юрьевъ, весенняго и осенняго, голоднаго и хододнаго, а тамъ, что Богъ дастъ. Да и мало ли работы съ

самаго начала весны у пахарей и чумаковъ? У чумака заготовленіе фуръ, поправка на-лѣто возовъ, починка колесъ и осей и покрышъ на соль и на рыбу. У пахаря: заготовленіе яровыхъ сѣмянъ, спускъ со дворовъ зимней воды, припасеніе льду въ погреба, копаніе грядокъ въ огородъ, расчистка дворовъ и крышъ, поправка изгороди, ульсѣвъ. Птичка «посметьюшка» давно уже чичикаеть: «покинь сани, возьми возъ». А вотъ апрѣль-Травень на исходѣ. Идетъ май-Цвѣтень. Скоро станетъ отъ жары и мошекъ скотъ маинься. Соловьиный день пришелъ и привелъ пѣсни — «веснянки» на хуторѣ. И точно, гдѣ тогда нѣтъ пѣсень? Всѣ въ вѣнкахъ и въ лентахъ, вбѣгаютъ дѣвки впопыхахъ только за какою-нибудь надобностью въ хату, за перстнемъ въ сундукъ, за другими серьгами или новымъ платкомъ, и цѣлый день ихъ туда не загонишь. «Пусть потѣшатся!» думаютъ старыя, не останавливая ихъ, и сами гразднично бродятъ по зазеленѣвшимъ лѣскамъ и тѣнистымъ лощинамъ, или съ утра до ночи сидятъ на завалинкахъ, на открытомъ воздухѣ, радуясь веснѣ и теплу. А пѣсни звучатъ въ садахъ, огородахъ, лѣскахъ и на улицахъ. Въ другихъ мѣстахъ Россіи говорятъ: «Прилетѣлъ куликъ изъ-заморья, вывелъ весну изъ-затворья.» Привѣтствуя тепло, зелень и воды, хуторянки поютъ:

«Ой, подѣ мостомъ, мостомъ,
Трава зеленѣетъ;

«За хорошимъ мужемъ,
Жена молодѣетъ...

«Ой, подѣ мостомъ, мостомъ,
Плеснулася рыбка;

«Я-жъ у тебя, мать ты моя,
Да расту не шибко...

«Пусти меня, мать, изъ хаты,
Я не заплутаюсь;

«Только парней подзадорю,
Да тѣмъ и покаюсь!

«Ой, весна, весна,
Степь развеселила;
«А не только поле,
Какъ долины—горы;

«А не только рѣчки,
Какъ у насъ сердечки!»

Охъ, пойду я да въ зеленый тотъ лѣсокъ,
• Вырву, выломлю кленовый тамъ листокъ;
«Напишу я на немъ грамотку,
• Пошлю ее къ отцу старому.
• Что велить ли по лѣсочку мнѣ гулять,
• Или въ хату съ вечериночки ступать?
«Ты гуляй, гуляй на волѣ подъ горой,
• Въ жизни дважды не бывать ужъ молодой!
• Выйдешь за мужъ, на веселье не пойдешь,
• А подъ старость про былое вспомнешь!»

• Охъ, весняночка, весняночка,
Ты румяна, будто паниочка;
• Ты садочки въ цвѣтъ да листья одѣваешь,
Будто милому рубашку вышиваешь...»

«Охъ, заря-зари, вечерняя, лихая!
Съ кѣмъ ты, дѣвка, передъ вечеромъ стояла?
• Я съ тобою, мой чумаченько, съ тобою,
Подъ зеленою, кудрявою вербою;
• Я съ тобою, съ чернобровцомъ-молодцомъ,
У тебя рубашка съ шитымъ рукавомъ!»

Хороводы почти не прерываются. Взявшись подѣ руки, дѣв-
ки ходятъ и поютъ:

«Въ огородѣ шафранъ, шафранъ,
Тамъ Ивашко, какъ паяъ, какъ паяъ,
• Близъ него же, какъ петрушечка,
Тамъ стоитъ его Марусичка.»

«Ой, гледи ты, берегись,
• Близъ меня не становись,
• Мой кудрявче, мой кучеравче!»

- «У меня ли мужъ ревнивой, да лихой,
 «Помыкаетъ, какъ былннчкою, мной;
 «Не ведишь мнѣ, старый, тѣшиться,
 «Не ведишь мнѣ, старый, нѣжиться!
 «Чуть на улицу тихонько я пойду,
 «Чуть подь вечеръ хороводецъ заведу,
 «Ужъ за мною три посылочки:
 «Что какъ первая попрѣки все,
 «А вторая-то нагаечва,
 «А ужъ третья-то и самъ идетъ!»

Недалеко и до покосовъ. На Аграфену-кунальницу ударилъ первый громъ. Слышавшіе его не пропускаютъ случая и кидаются, чтобы не болѣла спина, подпереть плечомъ или взять станомъ, что случится, стѣну, заборъ или возъ, равно какъ и для волосъ подставить первымъ каплямъ дождя голову. У ребятишекъ на первый дождь даже есть своя пѣсня: «Иди, иди, дождикъ, сварю тебѣ борщикъ, щербромъ, ведромъ, дойницею—холодною водицею!» Въ густой чащѣ клѣновъ раздался голосъ иволги; ребятишки и се окликаютъ: «Иволга, иволга, свинью сосала, поросенка украла!» А она на вхъ голосъ перезванивается и будто бы отвѣчаетъ: «А ты ко-бы-лу!» Такъ по-крайней мѣрѣ они увѣряютъ. Послѣ Святой недѣли идетъ поминальная недѣля, или «проводы». Съ Оомнна понедѣльника идутъ все на отцовскія и дѣдовскія могилы, поминать покойниковъ. Священникъ, въ рясы, съ крестомъ, обходитъ на тихомъ погостѣ поминальщиковъ и читаетъ молитвы.

Въ маѣ никого уже не удержишь въ хатѣ. Не даромъ онъ Цвѣтень. На Зилота идутъ собирать лечебныя зелья. Народъ слѣдитъ за всходами и примѣчаетъ. Если на Мокія вышалъ дождь, будетъ льто мокрое. На Обновленіе Царяграда боятся «царя-града.» Съ Сидоромъ кончаются «всякіе сиверы». А Пахомъ нахнуль уже настоящимъ теломъ. На Вассы не съютъ ржи, чтобы не завелись въ ней васильки. За то на Елену съютъ ленъ. Начиваются «цвѣтныя игры». Появилась сорока; школяры несутъ на поклонъ учителю-дѣячку «сорокъ бубликовъ»—крепделей. Въ лѣсу выютъ вѣнки, выкликаютъ кукушку; а подь вечеръ, на улицѣ, играютъ въ «хрещика», «лозу», «горя-цвѣтъ» и «нориуна». Но вотъ зазеленѣли яровые хлѣба; озимые растутъ и прячутъ уже въ себя зайца. За первыми всходами яровыхъ, за подствками, заствками и доствками гречихи, овса и го-

роху, поселяне сажаютъ, на перевернутомъ плугу, увитомъ вѣвками, какого-нибудь парня и возять его по нивѣ. Оедосья-колосница требуетъ дождей. Съ Юрья скоть ходить уже по опроставшимся сѣнокосамъ. Въ густыхъ, сочныхъ травахъ, на лугахъ и въ садахъ кипитъ домовитая хлопотливость птицъ и маленькихъ звѣрьковъ. Въ лиственныхъ тайникахъ, въ зеленыхъ уюткахъ, вездѣ заведены новыя семьи. А выйдешь въ поле, какъ-будто уже душно. Крики и свисты смолкають. Ликующее население степи смѣнило приволье тихими заботами о новорожденныхъ, крылатыхъ и четвероногихъ. Ночь не такъ студѣна; нѣтъ уже въ ней прежней живительности и прохлады. Воздухъ какъ-будто становится тѣсенъ. Земля накаляется. На кольяхъ заборовъ и мелкихъ кустарникахъ появляется востроносенькая, безпрестанно-тилкающая, красноцѣрая птичка. Народъ указываетъ на нее и говоритъ, что это «птичка-жажда», не находящая подъ зноемъ нигдѣ покоя и просящая у людей пить. Ей даже кое-гдѣ ставятъ въ черенкъ воды. Календарь степей съ весны поворачиваетъ на лѣто. Въ воздухъ уже нестерпимая тяжесть и духота...

Но обратимся къ чумакамъ. Первое столкновение съ народомъ весною у нихъ бываетъ гдѣ-нибудь въ маленькомъ мѣстечкѣ, на ранней мартовской или февральской ярмаркѣ. Тутъ надобно на нихъ поглядѣть. Это все щеголи на базаръ и лихачи. Заломивши на «бакирь» смурую шапку, въ бѣлой или черной свитѣ, до земли, на плечахъ, ходитъ чумакъ по базару, съ трубкой въ зубахъ и кнутомъ въ рукахъ, все озираючи и ни на кого собственно не смотря. Изрѣдка только махнетъ кнутомъ на торговку, хлеснетъ жида слегка по спинѣ, «почелѣмкается», поздоровается съ товарищемъ, постоитъ передъ загородкою торгуемыхъ воловъ, да, глянувъ на свои смазанные дѣгтемъ сапоги, сплюнетъ съ трубки въ сторону и опять принимается курить.

Чумакъ въ особенности большой охотникъ до весеннихъ ярмарокъ, гдѣ можно купить или продать вола, а главное встрѣтиться съ пріателемъ-гуртовщикомъ, не глядя на него, а глядя на воловъ, сказать: «А, да у тебя хорошіе волы!» и, не купивши ничего, выпить съ нимъ добрую кварту водки. Уже онъ не пропуститъ ни одной такой ярмарки. Вставши рано по-утру, въ день храмоваго праздника слободы, гдѣ будетъ ярмарка, онъ тайкомъ одѣнется и гаркнетъ на работниковъ: «Бабы сыны! Да гдѣ же это видано, чтобъ человекъ такъ долго спалъ?

Солнце уже вонъ гдѣ, а они все еще, какъ кабаны, брюха выставляютъ! Демкó, Левкó, Панасъ, Вакúла! вставайте; ярмарку проспали! Ну, гайда; запрягайте мнѣ сивыхъ!»—Всѣ вскакиваютъ; сивые запряжены, и хозяинъ отправляется на слободку, гордо возсѣдая на вершинѣ воза, наваленнаго соленой рыбой, сушеными грушами, если случатся на продажу, или такъ, безо всего.

Я видѣлъ одну изъ такихъ весеннихъ чумацкихъ ярмарокъ. Это, обыкновенно, происходитъ въ зажиточной вольной слободѣ. Деревня раскинулась по косогору и лощинкамъ; тамъ отдѣльными кучами хатъ усѣлась по отвѣсамъ овраговъ, здѣсь переулками и огородами сползла въ долину. Въ день ярмарки, по холмамъ ся и лощинкамъ, она, какъ улей, гудитъ народомъ. День только-что начался. Одни, въ долгополыхъ нарядныхъ свитахъ, степенно идутъ, еще безъ шапокъ, изъ церкви, набожно толкуя о праздникѣ и обычной проповѣди. Другіе уже спѣшатъ на торгъ, останавливаются и перекликаются, еще въ пустыхъ улицахъ. Передъ домомъ волостнаго правленія насыпанъ свѣжій красноватый песокъ. Старшины съ длинными палками, толпятся у крыльца. Мѣстные чумаки, изъ богатыхъ, живутъ обыкновенно у церкви мѣстечка, хоть бочкомъ на площади къ правленію. Духъ общины и властолюбія и ихъ наполняетъ. Чужіе богачи, съ чумацкою важностью, въззжаютъ въ околицу изъ первыхъ, оставляютъ воловъ или таратайку съ лошадыю у знакомыхъ, и вмѣшиваются въ толпу. А толпа все прибываетъ. Окрестные и дальніе гончары, скотники, гуртовщики, плотники и всякіе рабочіе и ремесленники везутъ и доставляютъ сюда свои товары. У палатокъ на базарномъ выгонѣ или на площади, возникаютъ груды новой глиняной посуды, только-что сдѣланныя ведра, колеса, оси, оглобли, ярма, ряды смушковыхъ и суконныхъ шапокъ. Изъ палатокъ выглядываютъ развѣшанные ситцы, ленты, монисты, тулупы; тутъ же продается въ ящикахъ соль, въ кадкахъ и бочкахъ дѣготь, и всякія снадобья. Въ особыхъ загородкахъ стоятъ, подъ вѣденіемъ гуртовщиковъ, продаваемый и покупаемый скотъ. Отдѣльно толкуются въ углахъ площади продавцы—кто пары телятъ, кто телушки, кто дюжины овецъ или стараго беззубаго вола. Это главная приманка чумаковъ. Сюда они являются покупать и продавать скотъ, прежде выпивки съ пріятелемъ и покупки новыхъ сапоговъ, шапки, дѣгтю или новой пары осей. Шумъ и гамъ

возрастаютъ. Дегтярный продавецъ, въ широкихъ шараварахъ, сталъ надъ бочкою и, съ приговорками, потышая толпу, цѣдить чумаку въ «мазницу» дѣготъ. Тамъ явились «нищунны», бродячіе слѣпцы и затаили уже, собирая общее подаваніе, вѣсню о Лазарь и Страшномъ Судѣ, смѣняя иногда эти притчи веселыми. А звонъ бубновъ и скрипокъ, сопровождающихъ по площади гуляющаго чумака, покрываетъ все. Ничто тутъ не связываетъ чумака. Онъ и по природѣ не домохозяинъ и не подъ бапшакомъ жены. Отпуская его на торгъ, жена не посмѣетъ сказать ему, положимъ, какъ другому: «Купи, да и купи мнѣ новую свитку; хоть умри, а купи! А не купишь, съ чѣмъ покажусь въ людяхъ? и не думай мнѣ и не гадай: въ гробъ лягу, а купи!» — Онъ вольный казакъ; жены слушается только зимой. Съ первой же весенней поры уже поминай, какъ его звали. Запасся онъ волами, дѣгтемъ, справилъ возъ, запасныя оси и колеса, и все кончено. Тутъ уже отгулялъ на остатки денегъ, и въ путь. Самая ярмарка иногда влечетъ его не для продажи или покупки. Ему любо одно это движеніе, шумъ и говоръ, не самая покупка воловъ, а одно шелканье по спинамъ или бокамъ продаваемаго вола, что вотъ—дескать, хорошъ ли онъ, или не хорошъ, выдержать ли путь, или не выдержать. Шелканьемъ иногда все и обходится. Съ продавцами скота въ этомъ случаѣ можно сравнить только однихъ украинскихъ бродячихъ «коробейниковъ», мелкихъ разнощиковъ всякой всячины, да «косарниковъ», мелкихъ странствующихъ продавцевъ косъ. Особенно послѣдніе замѣчательны. Уроженцы большою частью Рыльска, они сами или отъ хозяевъ оптомъ получаютъ свой товаръ, черезъ Бердичевъ и Броды, изъ Австрій, и потомъ передъ «косовицей», рано весной развозятъ по южно-русскимъ степямъ, оставляя косы въ долгъ, до будущаго года. Огромный ростъ на ссуду тутъ не забывается. Но посмотрите: въ-детъ «косарникъ» въ слободу, сталъ среди улицы, его окружаютъ, берутъ въ руки, пробуютъ косы, хлопаютъ по нимъ, звенять, а онъ рассказываетъ, какъ былъ въ Штиріи, и какіе сорта бываютъ косъ: «Прежде было на лучшихъ клеймо двѣ пшавы, да иступилсь; потомъ подкова, да вытерлась; послѣ того стаканъ, изъ стакана пьютъ—а гдѣ пьютъ, тамъ и бьютъ; а теперъ уже, люди добрые, семь звѣздъ на косъ — ишь ты, какъ горять! Покупай, да и только!»—Но радъ бы купить, да денегъ нѣтъ. Провозится среди улицы косарникъ цѣлый день, а

продаетъ на цѣлковый. Смотришь, перебивается, а сводитъ концы съ концами, какъ и гуртовщикъ. Ярмарку завершаетъ какой-нибудь особенно неударжимый гуляка, которому, какъ говорятъ, ни дна, ни покрывки нѣтъ. Спроситъ себя музыку, уже въ сумерки, расчислитъ кругъ, и пойдетъ одинъ, или съ товарищемъ, такія штуки выдѣлывать, что еще и не видано: выворотить тулупъ, вберется въ кадку съ дѣгтемъ, разольетъ дѣготъ по землѣ, и за все, разумѣется, заплатитъ, и въ безобразномъ видѣ станетъ толочься по грязи и отплясывать «черезъ ножку» или «перевертня». Или же возьмется съ товарищемъ: самъ трубку въ зубы, шапку на затылокъ, руки вскинетъ къверху, да только взглянетъ на концы сапоговъ, и пойдетъ косять ногами въ присядку, на-право и на-лѣво. А товарищъ, какой-нибудь матросикъ, изъ мѣстныхъ, вытянется по своему въ струнку, руки по швамъ, глаза на-право и пойдетъ перебирать ногами. Съ ярмарки все возвращаются уже на-весель, кто съ купленнымъ на выкормъ телянкомъ, кто съ волами, а кто съ деревянною какою-нибудь подъялкою. За этимъ уже у чумаковъ слѣдуютъ прямо сборы въ путь, наемъ подъ фуру тяжестией, чтобы не идти на Донъ и въ Крымъ порожнякомъ, и самый роковой отъездъ, съ его обычаями.

Съ первыхъ всходовъ подножнаго корма, чумаки уже хлопотеть о наймѣ своихъ подводъ подъ фуры. Частныя клади онъ предпочитаетъ казеннымъ. Мѣстность даетъ ему для этого все средства. Еще дѣдъ его и прадѣдъ торговали сухими грудами и яблоками. Расчетъ прямой. Окрестные сады простираются лѣсами во все стороны. Въ Валковскомъ и Богодуховскомъ уездахъ, гдѣ во время весенняго цвѣтенія кажется, что по сторонамъ дороги растутъ совершенно бѣлые или усыпанные пухомъ лѣса, производствомъ сушенія фруктовъ занимаются цѣлыя селенія и мѣстечки: Ольшана, Волоскій-Куть, Красный-Куть, Песочинъ, Люботинъ, Солонищовка, Пересѣчное, и многіе хутора. Въ многомъ селеніи сушатъ нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ грушъ и яблоковъ, которые здѣсь зрѣютъ въ дикомъ состояніи, едва поддерживаемыя щепленіемъ. Тутъ даже на дрова идутъ благородныя пни грушевыя и яблочныя. Для сушенія плодовъ у поселянъ заведены особыя «сушны»; у бѣдныхъ же фрукты сушатся въ избѣ на печи. Ссыпка производится у богатыхъ въ большомъ размѣрѣ. За мѣру сыраго плода такой хозяинъ платитъ 7 или 10 коп. ассигнаціями, а сухой продаетъ мѣрку по 1

рублю ассигнаціями среднимъ числомъ. Въ обыкновенной сущкѣ высушивается въ день около 5 четвертей, значитъ около 50 пудовъ. Среднимъ числомъ такіе хозяева высушиваютъ, напримѣръ въ окрестностяхъ Ольшаны, до 5 тысячъ пуд. въ осень. — Кроме фруктовъ, чумаки сваливаютъ на свои фуры, при отходѣ въ путь, всякаго рода деревянные подвѣлки, въ которыхъ особенно нуждаются все безлѣсные мѣстности на крайнемъ югѣ, въ херсонскихъ и таврическихъ степяхъ, въ Земль Войска Донскаго и по Азовскому побережью. Этими издѣліями и свалкою ихъ въ долгъ и за деньги чумакамъ занимаются опять лѣсные уѣзды Харьковской и Полтавской Губерній, въ особенности же по Донцу и по Воркслѣ, близъ Зміёва, Ахтырки, Святыхъ-Горъ, въ Шаровкѣ и въ Красномъ-Кутѣ. Изъ деревянныхъ подвѣлокъ берутся: колёса, ведра, оси, ярма, чашки, баклаги для воды, ложки, кадки и цѣлыя сложенные части воза. — Кроме того, окрестности Изюма, и въ особенности подгородная его слобода Пески, отправляютъ на Донъ и далѣе глиняную, «гончарную», посуду съ чумаками. А въ другихъ, наконецъ, мѣстахъ чумаки забираютъ водку, масло, сухари (какъ въ минувшіе годы, для войскъ въ Крыму, изъ Курской губерніи), бакалейные и красные товары, и въ огромномъ количествѣ съ сѣверныхъ уѣздовъ Малороссіи къ южнымъ портамъ хлѣбъ, пшеницу, пшено и льняное сѣмя. На хорошій чумацкій возъ теперь берется клади пудовъ 50 и до 65. Говорятъ, это при нынѣшнемъ измельчаніи скота, а въ старину брали до 70 и 80 пудовъ. Есть еще одно соображеніе: съ сѣвера на югъ берутъ менѣе клади, потому-что она всегда почти болѣе громоздка и, болтаясь высоко на возу, болѣе затрудняетъ ходъ воловъ; соль же и рыба съ юга укладистѣе и поэтому легче въ перевозкѣ. Смотри по клади, чумаки берутъ за доставку съ пуда, изъ сѣверныхъ частей Малороссіи къ Азовью и въ Крымъ, за Перекопъ, что почти равно, по протяженію пути, отъ 50 коп. сереб. до 1 руб. и 1 руб. 50 коп. сереб. Въ минувшую войну, отъ неурожаевъ въ Малороссіи, цѣны за чумацкій извозъ стояли очень высокія, именно до 2 рублей серебромъ съ пуда. Въ обыкновенное время, слѣдовательно, провозъ клади одного воза, въ конецъ, стоить отъ 25 до 75 руб. сер., что много значитъ, если вспомнить, что подножный кормъ скоту стоить пустяки, а чумакъ, истрачивая на себя не болѣе 1 руб. сер. въ конецъ, сдѣлаетъ въ лѣто два и три пути на Крымъ и на Донъ, привозя всякій разъ, кроме того,

по 60 и 70 пуд. соли и рыбы, для продажи дома или для складки въ Крюковомъ-Посадѣ Кременчуга, на Днѣпръ, и въ другихъ мѣстахъ. Пудъ соли въ Крыму стоитъ около 25 коп. сер., дома же чумаки продаетъ ее около 65 — 70 коп. сер. и болѣе за пудъ. Значитъ, въ извозъ оттуда, съ юга, въ обратный путь, онъ снова за возъ кладѣ пріобрѣтаетъ въ конецъ отъ 20 до 30 руб. сер. Слѣдовательно, одинъ возъ, въ шесть перевозовъ туда и обратно можетъ пріобрѣсти за весну, лѣто и часть осени отъ 150 руб. до 350 руб. сер. Большая же часть чумаковъ отправляютъ обыкновенно не одинъ, а три, четыре, десять и до тридцати возовъ. Отправляющій тридцать возовъ долженъ заработать, по этому, съ весны до осени, своимъ ремесломъ, весь хорошій годъ, отъ 4 до 10 тысячъ руб. сер.; но этого барыша, предполагающаго непременно хорошую распродажу привезенной соли и хорошихъ цѣны за извозъ кладѣ, чумаки обыкновенно не достигаютъ. Соль передается ими во вторя руки и выручаетъ имъ гораздо меньшій барышъ. На югъ же они ѣдутъ не всегда съ кладью, а болѣею частью порожнякомъ, какъ по трудности найти весной и подъ всѣ возы кладѣ, такъ и по безпечности чумаковъ. Не зная цѣвъ хлѣба, льна, посуды и деревянныхъ издѣлій на югъ, они рискуютъ малымъ. Да иногда и за солью ѣдутъ, не зная, припасена ли она въ достаточномъ числѣ на крымскихъ озерахъ и лиманахъ, и не прійдется ли имъ тамъ ожидать ея добычи или даже вернуться съ пустыми возами. Добыча соли въ послѣднюю войну шла дурно. Я встрѣтилъ въ нынѣшнемъ юлѣ огромный обозъ чумаковъ подъ Бахмутомъ; на извѣстномъ чумацкомъ «Муравскомъ шляхъ». Они шли изъ Крыма, повѣся головы.

— А что, какъ соль въ Крыму? спросилъ я.

— Не знаемо.

— Какъ не знаете?

— Въ Крыму нема соли.

— А что же вы везете?

Чумаки переглянулись.

— «Торохтія веземо!» отвѣтили они.

Торохтія везти, по ихъ выраженію, значитъ везти пустые возы, которые отъ этого, безъ кладѣ, дорогою «торохтять», стучать. Надо замѣтить, что, по случаю прошлогоднихъ и нынѣшнихъ неурожаевъ въ Малороссіи, большая часть чумаковъ и туда везли «торохтія».

Неопредѣленности промысла чумачество обязано тѣмъ, что стали въ немъ теперь появляться особыя видоизмѣненія. Старожилы говорятъ, что прежде, за Екатерину и Гетмановъ, бывали на Украинѣ слободы человекъ въ 3,000 и болѣе жителей, все чумаковъ, гдѣ не было ни одного плуга и ни одной бороны. Жители у себя дома только косили на зиму сѣно воламъ, а жены занимались молочными скопами со скота и птицею. Хлѣбъ эти настоящія «чумацкія гнѣзда» покупали и за стыдъ считали вснахать и засѣять хоть одну десятину земли, развѣ бабы только вскопають какой клочекъ подъ дыни и арбузы. Теперь же чумаки, кто позажиточнѣе, на привольнос и двкое ремесло свое смотрятъ съ одной прибыли и соединяють его съ хлѣбопашествомъ и мелкими оборотами. Такой чумакъ уже облѣнился, самъ не надѣваетъ болѣе завѣтныхъ, дѣгтемъ смазанныхъ рубашки и шароваръ, не идетъ съ своими волами испытывать долгого пути и всякихъ дорожныхъ невзгодій и бѣдъ, а держитъ человекъ для этого двадцать и сорокъ, въ годъ, работниковъ по найму, рассчитываетъ копѣйку, посылаетъ ихъ съ возами въ путь и только откладываетъ барышни. Въ немъ уже мало старинной самобытности. За то онъ ловко ведетъ свои дѣла. Такое современное видоизмѣненіе чумака, такого чумака — выродка, банкира и сискулятора, я знаю близъ Мягковского хутора. Это Андрей Ивановичъ Сизѣнъ. Пятнадцать лѣтъ сряду онъ уже самъ не ходитъ въ извозъ, а на прибыль барышничаетъ дома. У него до сорока паръ воловъ, и при нихъ десять человекъ рабочихъ, по обычному мѣстному расчету одного чумака на четыре пары воловъ для извоза. Отзимовавши и откормивши воловъ, онъ съ весны нанимаетъ по клочкамъ у сосѣднихъ поселанъ десятины сто земли; пользуясь обиліемъ скота и рабочихъ рукъ, въ недѣлю съ небольшимъ вспашетъ эту землю, засеетъ и заборонитъ. Тогда уже, обыкновенно тотчасъ послѣ Пасхи, и посылаетъ возы, съ заранѣе сторгованною кладью, въ путь. Обозъ его отвезетъ, куда назначено, на югъ кладъ, навалитъ на подводы соли или рыбы, и къ косовицѣ опять врѣхотитъ домой. Хозяинъ воловъ оставитъ отдыхать и снова откармливать, а рабочихъ, «наймитовъ», съ добавкою другихъ, временныхъ, ставитъ косить на другое наемное подъ косовицу поле. Сѣно скошено, высушено, свезено; обозъ отправляется въ другой путь, около Петра и Павла. Тѣмъ же порядкомъ обозъ возвращается домой къ уборкѣ созрѣваемаго уже хлѣба. Въ одинъ пріемъ ра-

ботники скосятъ, свяжутъ въ снопы, свезутъ хлѣбъ, при помощи сорока паръ воловъ, дня въ три-четыре, и скидаютъ въ скирды. Тогда уже снова, послѣ Семенова дня, и въ послѣдній разъ, обозъ отправляется въ третій путь и возвращается уже по сырому пути къ Покрову. Тутъ происходятъ расчеты и расплаты съ рабочими. Зимой же часть работниковъ такого чумака стоятъ при волахъ, а часть исправляетъ всѣ нужды хлѣбонашца: молотить, вѣсть, возить хлѣбъ въ зернѣ на мельницы и въ мукъ въ городскіе склады на продажу. Андрей Ивановичъ Сизѣнъ спиналъ нѣсколько лѣтъ назадъ по близости еще порубку лѣса, а въ соседнемъ мѣстечкѣ держалъ даже винный откупъ, на чемъ сорвалъ порядочные барыши. Привозя съ юга рыбу и соль, онъ торгуетъ ими, и для этого, уже какъ чистый купецъ, съ нагруженными повозками, круглый годъ ѣздитъ по окрестнымъ ярмаркамъ. Это уже разбитной, бойкій и сметливый кулакъ, себѣ на умъ, мало похожій на своихъ предковъ-чумаковъ. Жена племянника его ходитъ въ ситцахъ и шелковыхъ платкахъ. Самъ онъ пьетъ уже чай, хотя усердно пьетъ съ нужными людьми и водочку. Спитъ онъ не иначе, какъ на мягкой постели, и въ комнатахъ съ закрытыми ставнями. Чумацкимъ извозомъ его занимается племянникъ, у котораго съ женой на рукахъ, по случаю вдовства Андрея Ивановича, и все домашнее хозяйство послѣдняго. Недавно я пріѣхалъ къ Сизѣну. «Дома Андрей Ивановичъ?» — «Дома, отвѣчаетъ жена племянника: да не принимаетъ!» — «Какъ такъ? Что же онъ дѣлаетъ?» — «Въ ваннѣ сидитъ!» — И действительно Сизѣнъ нѣжилъ себя ванною. Вотъ куда пошло и на Украинѣ просвѣщеніе.

Честность чумаковъ вообще изумительная. Хозяева отпускаютъ кладъ имъ на вѣру. Рѣдко они, продавши се, утаятъ хотя рубль. Я знаю одинъ примѣръ. Помѣщикъ, по случаю неурожая, выбралъ двухъ-трехъ мужиковъ, далъ имъ возы и воловъ и послалъ въ Перекопъ за солью, чтобы даромъ не гуляли работники. Посланные имъ мужики воротились, кромѣ одного. «Ну, говорилъ помѣщикъ: всѣ люди, какъ люди, одинъ Павло Бобрикъ не привезъ соли, да замоталъ и возъ и воловъ!» — Это было въ началѣ тридцатыхъ годовъ, въ Турецкую войну. Помѣщикъ же былъ бѣдный. «Куда дѣлся Павло?» спрашивалъ онъ у его товарищей. — «Пришелъ съ нами въ Крымъ и пропалъ!» — «Ну, Богъ же съ нимъ; передался, бѣсовъ сынъ, врагамъ! Теперь и волы мои имъ служатъ!» — Прошелъ годъ, другой, Павло

Бобрнкъ неожиданно воротился, но безъ воловъ. Помѣщикъ обрадовался ему и не могъ скрыть этого, хотя воловъ и не было. «Павло! гдѣ это ты былъ?»—Тотъ не отвѣчаетъ, а ползѣтъ рукою за голенище, досталъ оттуда обвернутую сахарную свиную бумагу. Развернулъ, а тамъ пукъ ассигнацій. «*Що се такѣ?* може ты вкравъ?» спросилъ взумленный помѣщикъ. «*Ну! ось пересчитайте лишень!*»—«Да сколько же тутъ?»—«*А я и не считавъ!*»—Баринъ кинулся считать: въ пачкѣ оказалось болѣе шести тысячъ ассигнаціями. Вышло такъ, что Бобрнкъ, прїѣдя въ Крымъ, нанялся подѣ кладъ въ Бессарабію, прибылъ къ нашимъ войскамъ, и сталъ изъ мѣста въ мѣста перевозить, съ другими, то хлѣбъ, то оружіе, то раненыхъ, да возилъ во всю войну, а наконецъ, при замиреніи, продалъ на солдатскій фуражъ и пару старыхъ уже воловъ, съ фунта. Помѣщикъ кинулся его благодарять, предложилъ даже ему долю, а Павло Бобрнкъ попросилъ только отпустить его съ живкою помолиться въ Кіевъ, потому что, идя уже домой, чуть не былъ ограбленъ троечникомъ на дорогѣ въ степи, но отбился, только чуть-ли не согрѣшилъ при этомъ: ухватилъ, какъ бились одинъ на одинъ, троечника «пидъ-реберце», переломилъ ребро такъ, «ажъ хруснуло», а потомъ, «какъ онъ уналъ», взялъ его же палку и «потрошилъ ему всю ноги и руки», чтобъ «не напалъ уже болѣе на добрыхъ людей», а убивать—не убилъ его въ конецъ. Помѣщикъ, котораго все состояніе не превышало 5,000 р. ассигн., отпустилъ Бобрника въ Кіевъ на богомолье, а потомъ отпустилъ его и на волю, при чемъ Павло Бобрнкъ все удивлялся щедрости пана: «Что же онъ такое особенное сдѣлалъ? Онъ только спасъ *панское добро!*»—Случай въ родъ этого былъ и съ отцомъ другаго знакомаго мнѣ чумака, въ его молодости. Везъ онъ рыбу на базаръ. Его догоняетъ съ товаромъ такой же троечникъ, который вообще въ степи, среди мирныхъ и простодушныхъ малороссовъ, получаетъ особыя замашки пограбить и надуть. Троечникъ остановилъ его. «Что везешь?»—«Рыбу!»—«Продай!»—«Бери!»—Троечникъ отобралъ рыбы, ударилъ по лошадямъ и ускакалъ, не заплативши ничего. Воламъ не догнать лошадей, хоть послѣднія были и съ кладью. Сизѣнъ поглядѣлъ ему вслѣдъ, махнулъ рукою и похвѣлъ шагомъ, вслѣдъ за нимъ, на своихъ «сивыхъ». Прошло часа два. Троечникъ навѣлся рыбы, стегнулъ лошадей и задремалъ. Онъ заснулъ, а лошади остановились. Чумака его и догналъ. Видитъ, троечникъ спитъ. Онъ тройку свернулъ въ сто-

рону, хозяинна огрѣль палкой по головѣ, а лошадей погналь. «Знай, вражій сынъ! Не нападай на провзжихъ; я тебя не трогаль, а теперь и считай мухъ!» Повозка привезла троечника въ какую-то деревушку съ разбитою головою...

Но вотъ земля вспахана, яровое посѣяно, фуры наложены. Чумакъ готовъ къ отходу въ путь. Онъ отправляется изъ дому, или иногда изъ тѣхъ мѣстъ, близкихъ къ морю, гдѣ зазимоваль, застagnутый осенними бурями и бездорожьемъ. Не всегда бываетъ такъ, чтобы чумакъ искалъ подѣ наемъ клади, или пахаль землю. Желая скорее другихъ прійти на озера за солью, онъ поднимается въ дорогу, чуть сойдетъ снѣгъ и нѣтъ еще подножнаго корма. Для этого онъ даже подвозитъ съ собою верстѣ на сто и болѣе зимняго сѣна, пока на дорогѣ, на глазахъ уже его, подростеть свѣжая трава.

Наступаетъ роковой день...

Хозяинъ чумакъ всталъ, вышелъ на крыльцо, когда еще заря чуть занимается, глянулъ на рядъ готовыхъ нагруженныхъ воезовъ, на воловъ, вѣвшихъ сѣно въ сторонѣ, въ углу двора, и идетъ къ работникамъ. «Эхъ, вы, бабьи сыны! Вставайте, будеть вамъ байбаками залеживаться! Всю зиму спали! Ну, швыдче; Павло, Митро, Дѣрошъ, Терѣшко! Мажьте возы, наповайте воловъ, — да съ Богомъ и гайда.» Работники вскакиваютъ. Сонъ и безъ того всю ночь бѣжалъ отъ нихъ. Кто покидалъ милую, кто лѣниво и любезно нагрѣтое за-зиму мѣстечко, котораго бы, кажется, весь вѣкъ не покинулъ. Въ каждомъ чумацкомъ обозѣ отслужилъ молебень Богородицѣ-Одигитрѣ, по старинному преданію, покровительницѣ чумаковъ. Пока хозяйка готовитъ послѣдній обѣдъ, хозяинъ отмѣриваетъ въ амбарѣ на дорогу заранее припасенныхъ сухарей, муки, пшена, сала, соли и дегтю для колесъ. Заскрипѣли ворота. Воловъ поятъ изъ студеной криницы съ особою заботливостью. Мажутъ осн. Сосѣди и окрестные пріятели сходятся смотрѣть на проводы. А хозяинъ заботливо и весело ходитъ между воезовъ и воловъ. Тутъ стоитъ и его пара, обыкновенно самая щегольская: ярмо на возу фигурчатое, рѣзное, съ цвѣтными разводами, а если хозяинъ черниговскій чумакъ, или зажиточный Харьковецъ, то и вызолоченное «шумихою», сусальнымъ золотомъ; волы при этомъ самые рослые, съ исполинскими рогами, смурые съ подпаллиной, или черные, какъ пара тучныхъ медвѣдѣй; самые повода на волахъ ременные, а не веревочные. Чумакъ припасаетъ на дорогу всего двѣ рубашки и въ этомъ свой

обычай. Въ одной онъ идетъ въ путь и, не скидая ее ни разу, въ ней и возвращается. Для защиты отъ дождя, пыли, заразы и мошекъ, ее тотчасъ обмазываютъ дегтемъ, вмѣстѣ съ шароварами,—почему тяжелый, лѣнивый и загорьлый чумакъ, въ пути, представляетъ издали какое-то подобіе древняго рыцаря, закованнаго въ панцырь и латы. Другая рубашка вмѣстѣ въ себѣ много трогательнаго: ее на чумака надѣваютъ только тогда, какъ онъ умретъ на дорогѣ.

Время отхода чумаковъ въ дорогу—вечеръ...

Солнце свернуло уже къ закату и меркнетъ. Чумаки печально смолкаютъ. Далекій путь, по пустынямъ, невольно тревожить. А у многихъ есть и особенно отъ чего задуматься. Тотъ въ неоплатномъ долгу у хозяина и не знаетъ, оплатится ли онъ за эту повозку. Другой оставляетъ надолго невѣсту, на которой бы и женился, и она его любитъ, да достатку нѣтъ. Хозяинъ общалъ, какъ вернется къ осени, дать десять цѣлковыхъ; тогда и свадьбу можно справить. Да уберечь ли его далекая дорога подъ дождемъ и бурями, по ядовитымъ солончакамъ и лиманамъ? — Трогательныя прощанія съ милыми проходятъ подъ общій шумокъ и суету, по сосѣднимъ переселкамъ и огородамъ. «Ну, друже, говоритъ чумакъ товарищу-чумаку: пойдѣмъ до моей дѣвчины проститься! Она тамъ, около зеленой балки ждетъ меня!» И идетъ одинъ или съ другомъ. Становится чумакъ, беретъ съ своею «дѣвчиною» за руки и долго, долго стоитъ съ нею, почти безмолвно, или изрѣдка переговариваясь. «Ну, вотъ же я и иду, Настя!» говоритъ онъ. «Иди!» отвѣчаетъ она со вздохомъ. «Только я тебя уже не забуду; убей Богъ, не забуду!» — «Не забывай, Грицію; а то я утоплюсь и за другаго не пойду!» Еще слова, еще молчаніе. Солнце уже низко. Передовой возъ выезжаетъ изъ воротъ хозяина. «Прощай, Настя!» — «Прощай, Грицію!» Дѣвушка на прощанье, по обычаю, даетъ въ руки своему названному, съ кѣмъ она уже давно «женится», шитое полотенце, «хѣстку». Онъ ее хранитъ, какъ завѣтъ, во всю дорогу, и если умираетъ въ пути, то товарищи ея покрываютъ ему въ могилѣ лицо; потому что, если уже какая дѣвка въ такое время подаритъ чумаку хѣстку, то это все равно, какъ бы она за него помолвилась, и ни за кого болѣе не выйдетъ за-мужъ. Онъ ей въ подарокъ съ дороги привозитъ красныя сапоги. Въ такую пору бываютъ драматическія событія. Одинъ чумакъ подъ Цареборисовомъ, не надѣясь, что

воротится изъ двухъ-мѣсячнаго переезда въ Крымъ и не побѣдвши припадка ревности, зарезалъ на прощанье свою названную и выдалъ себя тутъ же. Дѣло было такое, что хотя она и любила его, но онъ подозрѣвалъ, что ея мыслямъ не чуждъ молоденькій ямщикъ, съ голубыми глазами и русыми кудрями, изъ сосѣдней Голололинской станціи. Этотъ ямщикъ любилъ предметъ скрытной и безмолвной страсти чумака также безмолвно и безнадежно. Она была дочка богатаго содержателя кабака на перекресткѣ большой и проселочной дороги. Когда, бывало, ѣдетъ, онъ на тройкѣ своей, порожнякомъ, а она въ огородъ или тутъ же на отцовской нивѣ, онъ поравняется съ постояннымъ дворомъ, никогда не заѣдетъ вышитъ, лошадей цуствтъ такъ, что едва вѣдутъ, понуривъ головы, а самъ шапку объ тележку, опрокинется и залется соловьемъ. Все уже знаютъ при этомъ, что ѣдетъ «отивтый» поклонникъ шинкарёвой дочки; и многіе думали, что онъ покончитъ плохо, или зарѣжется, или утопится. Вышло наоборотъ. Упорный степнякъ, любимый дѣвушкою, порывшль дѣло убійствомъ се-

Обозъ двинулся...

Но прежде еще чумаки обыкновенно на передній возъ, по старинному обычаю, берутъ пѣтуха. Этотъ пѣтухъ сперва привязывается тамъ за ногу, а потомъ въ дорогъ освоивается и совершенно свыкается съ нравами табора. Въ безлюдныхъ пустыняхъ, по ночамъ, когда очередные чумаки въ сторонѣ отъ дороги пасуть воловъ, онъ крикомъ своимъ даетъ знать въ потемкахъ, гдѣ искать возы. По немъ узнаютъ часы, когда почъ, когда полночь, и скоро ли разсвѣтъ. Но, кажется, скорѣе всего, пѣтухъ милъ скитальцамъ особенно тѣмъ, что въ глухихъ степняхъ, оглашая двіе пустыри своимъ крикомъ, напоминаетъ чумакамъ и родное село, и родную кровлю. Чопорный и гордый, возсѣдаетъ онъ на пыльномъ возу, разсматривая съ его вершины провзжихъ, или на стоянкѣ ходитъ возлѣ и клюетъ подъ колесами отборное, хранимое ему зерно. По мнѣнію иныхъ, онъ еще спасаетъ отъ придорожнаго бѣса. Баловень и любимецъ всей «вѣлки», обоза, такой пѣтухъ живетъ иногда лѣтъ десять и двѣнадцать, совершая каждое лѣто по нѣскольку тысяче-верстныхъ путешествій. Но иногда, гдѣ-нибудь на степномъ перевалѣ, въ глухомъ хуторкѣ, или на постояломъ дворѣ какой-нибудь менонистской колоніи, гдѣ хозяйство процѣтаетъ и кучи куръ ходятъ около корчмы, пернатый султанъ неожиданно вска-

квиваетъ съ воза, стремится въ общество насѣдокъ, и, если его не поймають, при отходѣ обоза, оказывается окончательно въ бѣгахъ.

Обозъ вывзжаетъ за околицу и, отъѣхавши версты двѣ или три, не болѣе, останавливается на первый ночлегъ почти въ виду села. Это мудрое обыкновеніе установлено потому, что, какъ говорить чумаки: «Человѣкъ слабъ и можетъ дома что-нибудь позабыть; а тутъ близко, и какъ-разъ сбѣгаешь.»

Начинаются событія безконечныхъ перевозовъ по степямъ...

ГР. ДАНИЛЕВСКІЙ.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ «БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ ЧТЕНІЯ».

Милостивый Государь!

На время долженъ я пріостановить мои Увеселительные очерки и замѣтки. Петербургскій туристъ на нѣсколько мѣсяцевъ имѣеть превратиться въ европейскаго туриста, — ибо Иванъ Ч-р-к-ж-н-въ ѣдетъ, купно съ другими товарищами, въ ту страну, гдѣ пѣль Торквато величавый. Уже имя мое опубликовано въ числѣ отъѣзжающихъ и достойный Пайковъ ѣдетъ со мной до Рима. Во Флоренціи ожидаютъ насъ Лызгачовъ и Буйновидовъ, оттуда всѣ мы проѣдемъ на вершину Везувія. Если не случится землетрясенія и насъ не постигнетъ участь Плинія, вы получите журналъ нашихъ приключеній (ручаюсь за ихъ увлекательность и грандіозность). А до-тѣхъ-поръ предлагаю вамъ позабавить своихъ читателей прилагасмой у сего Петербургской Идилліей, которая, по существу своему, представляетъ какъ бы продолженіе замѣтокъ и увеселительныхъ очерковъ вамъ преданнаго

Ивана Ч-р-к-ж-н-к-ва.

30 марта.

Станція С.-П.-бурго-Московской желѣзной дороги.